

O $\frac{7}{395}$

№ 3-6.

№ 3—6. КУЛЬТУРА ДЛЯ ВСѢХЪ. № 3—6.

395
А. Евдокимовъ и А. Петровъ. с/а
33

НА ПУТИ КЪ ВЫСШЕЙ
КРЕСТЬЯНСКОЙ ШКОЛѢ. 3162

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МОСКВА—1918 г.

А. Евдокимовъ и А. Петровъ.

07
39

НА ПУТИ КЪ ВЫСШЕЙ
КРЕСТЬЯНСКОЙ ШКОЛѢ.

Р. С. Ф. С. Р.
ПОКАЗАТЕЛЬНАЯ
КНИЖНАЯ
ВЫСТАВКА
ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.
Отдела Снабжения
Нар. Комиссариата по Просвещению

№ _____

99.34/14534

МОСКВА—1918 г.

2010513966

КНИГА ИМЕЕТ:

Печате. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1947 г.
6						124	135	

2820

На пути къ высшей крестьянской школѣ.

Въ современномъ обществѣ законченное школьное образованіе доступно лишь меньшинству населенія.

Законченное школьное образованіе предполагаетъ своевременное прохожденіе черезъ школы: начальную, среднюю и высшую.

Въ теченіе 12, 15 и болѣе лѣтъ будущій гражданинъ или гражданка находятся въ школѣ или отдыхаютъ отъ занятій, и только по истеченіи этого времени ихъ школьное образованіе считается законченнымъ.

Ни трудовому крестьянству, ни ремесленному и рабочему классамъ въ широкихъ массахъ не доступно законченное школьное образованіе.

Поэтому, какъ правило, дѣти крестьянъ, дѣти бѣдныхъ ремесленниковъ и дѣти рабочихъ проходятъ лишь черезъ начальную школу, а въ возрастѣ 13—15 лѣтъ отъ роду начинаютъ зарабатывать свой хлѣбъ физическимъ трудомъ.

Такъ обстоитъ дѣло въ Западной Европѣ. Такъ же обстоитъ оно и у насъ, съ тою лишь разницею не въ нашу пользу, что у насъ и начальныхъ школъ недостаточно, и курсъ ученія въ нашихъ школахъ вдвое короче, чѣмъ въ государствахъ Западной Европы, и число учебныхъ дней въ году сельской начальной школы

очень мало, и учителя начальныхъ школъ плохо обезпечены.

Въ сборникѣ статей, изданныхъ въ Петроградѣ подъ общимъ заголовкомъ: «Чего ждетъ Россія отъ войны», С. Ф. Знаменскій набросалъ схему тѣхъ мѣропріятій, кои должна выполнить наша страна въ области образованія.

Пожеланія почтеннаго автора сводятся къ тому, чтобы каждый могъ получить *начальное* образованіе, богатый и бѣдный, все равно, живетъ ли онъ въ городѣ или въ деревнѣ, въ центрѣ или на окраинахъ государства, и чтобы былъ установленъ принципъ обязательнаго посѣщенія школы.

8-лѣтнюю начальную школу авторъ считаетъ недостижимой задачей для настоящаго времени и останавливается на 6-лѣтней начальной школѣ.

По вычисленіямъ С. Ф. Знаменскаго, единовременные расходы на реформу начальной школы въ указанномъ направленіи все же потребовали бы расхода въ размѣрѣ одного миллиарда рублей.

Далѣе С. Ф. Знаменскій настаиваетъ на созданіи единой школы въ видѣ ряда послѣдовательныхъ ступеней отъ начальной школы до университета, каковая существуетъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и съ нѣкоторыми измѣненіями проведена въ нѣсколькихъ европейскихъ государствахъ.

С. Ф. Знаменскій находитъ, что такая школа открыла бы дорогу къ законченному школьному образованію для *талантовъ изъ народа*.

«Сейчасъ», — говоритъ С. Ф. Знаменскій, — «не талантъ, а деньги прокладываютъ путь въ руководящіе верхи».

«Однако», — замѣчаетъ нашъ авторъ, — «результаты намѣченныхъ реформъ могутъ сказаться не скоро. Пройдетъ около десятилѣтія, пока всеобщая школьная повинность будетъ фактически осуществлена, а потомъ еще рядъ лѣтъ, пока прошедшія черезъ школу поколѣнія станутъ работниками страны.

Въ ближайшіе же годы дѣлать исторію будутъ тѣ, кто не былъ въ школѣ или проходилъ нашу знаменитую одноклассную школу съ тремя годами обученія.

«Поэтому», — заключаетъ С. Ф. Знаменскій, — «усиленнѣйшее вниманіе правительства и органовъ мѣстнаго самоуправленія должно быть направлено на постановку *внѣшкольнаго образованія*.

* *
*

Итакъ, внѣшкольное образованіе является необходимымъ для трудящихся классовъ, ибо въ массѣ своей они лишены возможности получить законченное школьное образованіе, и современное государство не въ силахъ имъ таковое образованіе обезпечить.

Въ современной Россіи внѣшкольное образованіе необходимо вдвойнѣ, такъ какъ въ нашей странѣ широкія массы народа неудовлетворительно обставлены и въ полученіи начальнаго образованія.

Внѣшкольное образованіе призвано возмѣстить въ жизни и подготовкѣ къ жизни рабочаго и крестьянина среднюю и высшую школы.

Возмѣстить хотя бы не полностью, хотя бы частично, съ урѣзками, съ выборомъ самаго необходимаго.

На это волей-неволей слѣдуетъ посмотрѣть трезво, безъ всякой сантиментальности.

Внѣшкольное образованіе должно дать типъ образованія дешеваго, ибо на дорогое нѣтъ средствъ; оно должно быть гибко въ приспособленіи къ условіямъ жизни тружениковъ: использовать ихъ вечерніе досуги, сезонные перерывы въ работахъ и проч.

Внѣшкольное образованіе должно охватить какъ запросы на профессиональное образованіе трудовой среды, такъ и запросы ея на общее образованіе.

Во внѣшкольномъ образованіи должна проявиться съ особой напряженностью общественная инициатива и самодѣятельность непосредственно заинтересованныхъ народныхъ массъ.

Словомъ, въ этой области надо искать новыхъ и своихъ путей, надо проектировать, ставить опыты, проявлять напряженное творчество.

Надо искать.

Въ настоящей брошюрѣ составители ея взяли на себя смѣлость сдѣлать нѣкоторую развѣдку по пути къ высшей крестьянской школѣ.

Сознавая все несовершенство своей работы и недостаточную провѣрку предлагаемаго матеріала опытнымъ путемъ, составители, однако, надѣются, что ихъ скромный трудъ будетъ принятъ какъ намѣреніе поставить вопросъ, а не разрѣшить его. А поставить этотъ вопросъ для обсуждения и для примѣрки на опытѣ составителямъ казалось весьма умѣстнымъ именно теперь, когда дѣло внѣшкольнаго образованія приобретаетъ обновляющійся интересъ въ глазахъ государства, общества и трудового народа,

* * *

Во внѣшкольномъ образованіи, какъ оно въ настоящее время поставлено въ нашей деревнѣ, вѣрнѣе сказать, въ тѣхъ зачаткахъ его, какіе въ наличности существуютъ, можно различить три струи: образованіе общее, образованіе сельскохозяйственное и образованіе кооперативное.

О двухъ послѣднихъ струяхъ мы скажемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, а теперь остановимся на общемъ внѣшкольномъ образованіи.

Нельзя не отмѣтить, что до сего времени постановка общаго внѣшкольнаго образованія въ нашей деревнѣ не имѣетъ своего основного ядра.

Библіотеки и чтенія по отдѣльнымъ темамъ—вотъ въ сущности способы, наиболѣе освоенные нашими внѣшкольниками въ деревнѣ.

Правда, въ послѣдніе годы кое-гдѣ начинаютъ устраиваться вечерніе дополнительные классы для подрост-

ковъ и взрослыхъ, но это лишь эпизоды во внѣшкольномъ деревенскомъ дѣлѣ.

Въ этомъ отношеніи какъ ни бѣденъ починомъ нашъ городъ, все же онъ идетъ впереди. Въ значительныхъ городахъ дѣйствуютъ и воскресныя школы, и курсы для рабочихъ, и народныя университеты.

До послѣдняго времени земскіе внѣшкольники не обнаружили замѣтныхъ исканій въ направленіи къ систематическому общему образованію въ деревнѣ.

Въ ихъ приѣмахъ преобладала, такъ сказать, экстенсивная система, примѣнительно къ нашей бѣдности и отсталости.

Самая мысль, что внѣшкольное образованіе должно возмѣстить труженику-земледѣльцу среднюю и высшую школу, едва ли освоена земцами-внѣшкольниками.

Теперь, когда оживленно заговорили объ обновленіи внѣшкольнаго образованія, оставаться при прежнихъ приѣмахъ невозможно по всякимъ основаніямъ.

Когда въ руки внѣшкольниковъ поступятъ болѣе значительныя средства, то таковыя должны быть израсходованы такъ, чтобы населеніе осязательно почувствовало необходимость расходовъ на это дѣло.

Поэтому рядомъ съ мѣропріятіями, ставшими уже трафаретами рядомъ съ усиленіемъ и оживленіемъ этихъ мѣропріятій надо выдвинуть новыя мѣропріятія, дающія замѣтный и быстрый эффектъ.

Профессіональный интересъ внѣшкольниковъ также требуетъ подобныхъ мѣръ, какъ и интересы народа, ибо въ конечномъ счетѣ внѣдреніе внѣшкольниковъ въ деревенской жизни зависитъ отъ приѣма, который окажетъ имъ народная земледѣльческая среда.

И вотъ, думается, что однимъ изъ такихъ мѣропріятій, каковое нуждается въ проектированіи и въ опытной примѣркѣ, и являются *общеобразовательные курсы для взрослыхъ крестьянъ.*

Въ отличіе отъ экстенсивныхъ приѣмовъ внѣшкольнаго образованія, подобнаго рода курсы явятся раздѣ-

ломъ параллельной интенсивной внѣшкольной образовательной работы и явятся вѣхой на пути къ высшей крестьянской школѣ.

* *
*

Представляемый въ этой брошюрѣ составителями ея проектъ общеобразовательныхъ курсовъ для крестьянъ подвергался нѣкоторому обсужденію въ кооперативныхъ и агрономическихъ кругахъ Москвы.

Такъ, къ выдвигаемой здѣсь идеѣ съ сочувствіемъ отнеслось областное Московское общество распространія сельскохозяйственныхъ знаній и кружокъ общественной агрономіи при Московскомъ Сельскохозяйственномъ Институтѣ, а также Комитетъ о сельскихъ ссудосберегательныхъ товариществахъ.

То обстоятельство, что круги агрономическіе и круги кооперативные заинтересовались проектомъ подобнаго рода, отнюдь не случайное явленіе.

И кооператоры, и агрономы въ послѣдніе годы настолько внѣдрились въ жизнь деревни, что ея запросы стали для нихъ чрезвычайно осязательными.

Поэтому мы видимъ добрый знакъ въ ихъ сочувственномъ отношеніи къ нашему проекту.

Да и какъ же можетъ быть иначе?

Вѣдь въ работѣ кооперативной и въ работѣ агрономической все время остро ощущается недостатокъ свѣдущихъ сотрудниковъ изъ среды рядового крестьянства.

А между тѣмъ и та и другая работа растутъ и крѣпнутъ на мѣстныхъ силахъ, въ мѣстномъ грунтѣ.

Ни кооперацію, ни агрикультуру нельзя оборудовать силами, находящимися въ центрахъ.

Какъ бы ни были опытные и талантливы кооператоры, работающіе въ центральныхъ учрежденіяхъ, общая картина кооперативной жизни и дѣятельности опредѣляется тѣми многочисленными рядовыми работниками, кои работаютъ на мѣстахъ.

И какой бы пышный расцвѣтъ не получила агроно-

мическая наука, — этотъ расцвѣтъ будетъ показнымъ, если мысль ученаго не будетъ поддержана и воспринята мыслью непосредственнаго труженика-земледѣльца.

Въ великомъ дѣлѣ возрожденія села педагогія и кооперація стоятъ рядомъ. И не случайно въ лицѣ Грунтдвига датское земледѣльческое возрожденіе имѣло соединеніе педагога и кооператора.

Въ дѣлѣ внѣшкольнаго образованія кооператоры кровно заинтересованы. Но вѣдь кооператоры — это замѣтная значительная часть земледѣльческаго населенія.

Слѣдовательно, проектированіе мѣропріятій, подобныхъ предлагаемому нами, въ ихъ средѣ встрѣтитъ ту реальную поддержку, въ коей нуждается всякое новое дѣло.

Непремѣнно встрѣтитъ.

Въ самомъ дѣлѣ.

Притокъ живыхъ мѣстныхъ силъ къ работѣ въ кооперативахъ идетъ очень медленно.

Дѣло товарищеское зачастую держится на небольшомъ кругѣ лицъ. Выбываютъ старые работники, а на смѣну имъ очереди не видно.

Отъ этого малолюдья въ общественной работѣ товарищескія учрежденія хирѣютъ, вырождаются, заблачиваются.

Если такъ было въ обычное время, то насколько обостряется этотъ больной вопросъ нашей жизни теперь, когда для защиты родины признаны многіе мѣстные дѣятели изъ товарищескихъ учреждений.

Если кооператоры не примутъ заблаговременно мѣръ, чтобы увеличить составъ подготовленныхъ работниковъ, чтобы вытянуть изъ рядовъ крестьянства живыя силы и способности, то кооперативному дѣлу *грозитъ прорывъ безлюдья.*

Преимственность работы ослабѣетъ, немочь одолѣетъ товарищеское дѣло, какъ малокровіе одолѣваетъ организмъ человѣка.

А между тѣмъ въ силу военныхъ событій задачи товарищескаго дѣла не только не умалились, а неизмѣримо возрасли.

Въ той же степени возрасли и задачи дѣла агрономическаго.

Нужна мобилизація крестьянскихъ дѣлъ и способностей. Здѣсь завязывается узелъ интересовъ народныхъ, государственныхъ.

Нужны такіе общеобразовательные курсы для крестьянъ, кои могли бы дать каждому слушателю толчокъ, подвигающій его къ общественной работѣ.

* * *

Выше было указано, что во внѣшнемъ образованіи есть налицо струи кооперативнаго и сельскохозяйственнаго образованія.

Задача кооперативнаго образованія слагается изъ двухъ главнѣйшихъ раздѣловъ: а) подготовка работниковъ кооперативнаго дѣла, б) распространеніе кооперативныхъ идей, свѣдѣній, навыковъ, чувствованій въ массѣ населенія.

Въ заданіяхъ по первому раздѣлу россійскіе кооператоры преимущественно сосредоточились на устройствѣ курсовъ для подготовки нужныхъ имъ работниковъ.

Работники кооперативнаго дѣла составляютъ собою нѣсколько разрядовъ или группъ.

Въ одной группѣ это будутъ агрономы, инструктора, журналисты, ученые, разрабатывающіе вопросы кооперативной теоріи и практики.

Въ другой группѣ — счетоводы, члены правленій, совѣтовъ и ревизіонныхъ комиссій, занятые непосредственной мѣстной работой.

Въ третьей группѣ — ближайшіе сотрудники кооператива, такъ сказать, его основное ядро, люди съ склонностью къ общественной работѣ, люди почина. Они же являются и кандидатами на замѣщеніе выборныхъ лицъ и на должности счетоводовъ.

Въ четвертой группѣ стоятъ всѣ вообще члены товарищества и вообще мѣстное трудовое населеніе, каковое постепенно втягивается въ товарищеское дѣло.

Подготовка всѣхъ разрядовъ кооперативныхъ работниковъ требуетъ нашего неотложнаго вниманія.

Для подготовки работниковъ первой группы служить и практическая жизнь, и высшая и средняя школа, и курсы при университетѣ Шанявскаго.

Для второй группы устраиваются *мѣстные кооперативные курсы*. Школой практической подготовки для этой группы служатъ также кооперативныя совѣщанія и сѣзды.

Центральное мѣсто во внѣшкольной работѣ кооператоровъ занимаютъ *мѣстные кооперативные курсы*.

За послѣднія четыре-пять лѣтъ такіе курсы стали обычнымъ періодическимъ явленіемъ во многихъ нашихъ провинціяхъ.

Подробный матеріалъ, характеризующій этотъ раздѣлъ внѣшкольнаго образованія, будетъ сгруппированъ въ коллективномъ трудѣ лекторовъ-кооператоровъ, подготовляемомъ къ печати университетомъ Шанявскаго, при которомъ весной 1915 г. были организованы особые курсы «По устройству мѣстныхъ кооперативныхъ курсовъ».

Здѣсь мы отмѣтимъ лишь одну характерную черту въ развитіи этихъ курсовъ, черту, которая имѣетъ ближайшее отношеніе къ интересующему насъ вопросу.

Мѣстные кооперативные курсы несомнѣнно имѣютъ центръ тяжести въ прикладномъ знаніи.

Научить деревенскихъ кооператоровъ счетоводству и дѣлопроизводству—ихъ первая и наиболѣе практически-вопіющая задача.

Однако, цѣною крайняго напряженія и слушателей и лекторскихъ силъ мѣстные кооперативные курсы все болѣе и болѣе втягиваются въ область общаго образованія.

Кооперативное дѣло, вѣдряясь въ жизнь, захватывая все новыя и новыя отрасли хозяйства, требуетъ

отъ своихъ созидателей извѣстнаго общественнаго кругозора, требуетъ пониманія общественно-хозяйственныхъ явленій и закономерностей.

Фундаментомъ кооперативнаго знанія и кооперативнаго міросозерцанія являются общественныя науки.

Цѣлый рядъ вопросовъ, казалось бы, узко дѣловыхъ, такъ сказать, техническихъ, разрѣшается въ связи съ уясненіемъ мѣстной хозяйственной и общественной обстановки.

Расширяя свою работу въ сторону культурно-просвѣтительной дѣятельности, кооператоры входятъ въ непосредственное соприкосновеніе съ вопросами духовной культуры.

Какъ по отзывамъ многихъ лекторовъ мѣстныхъ кооперативныхъ курсовъ, такъ и по своему личному опыту, могу утверждать, что общеобразовательные предметы, вклинивающіеся въ кооперативные курсы, всегда встрѣчаются аудиторіей съ полнымъ сочувствіемъ.

Здѣсь я вижу доводъ въ пользу того, что пора уже подойти къ этимъ требованіямъ жизни по существу и дать хотя бы меньшинству крестьянскаго населенія тотъ общеобразовательный матеріалъ, который сейчасъ насущно необходимъ для крестьянскаго возрождающагося устроительства.

Нѣкоторыя сужденія относительно того, насколько подготовлена къ принятію общеобразовательныхъ крестьянскихъ курсовъ наша бытовая обстановка, указываетъ опытъ сельскохозяйственнаго внѣшкольнаго образованія.

Сельскохозяйственное внѣшкольное образованіе въ нашей деревнѣ является сейчасъ наиболѣе замѣтной струей. Поэтому, пользуясь данными «Сборника свѣдѣній по внѣшкольному образованію» (выпускъ 9-й), изданнаго Департаментомъ земледѣлія, приведемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о курсахъ этого типа.

Сколько-нибудь интенсивное развитіе сельскохозяйственныхъ курсовъ начинается съ 1909 года.

Вотъ таблица, характеризующая развитіе этого дѣла:

Годы.	Число губерній, гдѣ устраивались курсы.	Число курсовъ:		Число слушателей:		На устройство курсовъ израсходовано средствъ.			
		Общее.	На губернію.	Общее.	На губернію.	Правительственныхъ.	Мѣстныхъ.	Всего.	Въ среднемъ на губернію.
1907	10	21	2	4.974	497	7.482	3.300	10.782	1.078
1908	14	59	4	8.412	601	14.538	8.700	23.238	1.659
1909	38	177	5	10.079	265	32.917	20.424	53.341	1.404
1910	38	299	8	21.606	542	67.914	35.334	103.248	2.717
1911	57	469	8	27.235	479	302.520	64.102	366.622	6.432
1912	69	820	12	53.986	782	526.301	134.985	661.286	9.584
1913	79	1.657	21	98.704	1.250	604.886	403.258	1.008.144	12.761

Устроителями большей части курсовъ были въ 1913 году земства, на долю которыхъ приходится 53,2% общаго числа курсовъ; изъ нихъ 42,7% организованы уѣздными земствами и 9,5%—губернскими. На второмъ мѣстѣ стоятъ сельскохозяйственные общества, которыми проведено 32,9% всѣхъ курсовъ; затѣмъ идутъ правительственная агрономическая организація (12,6%), мелкаго кредита (0,8%) и частныя лица (0,5%).

Губернскія земства являются организаторами курсовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пока слабо проявлялась инициатива земствъ уѣздныхъ (Калужская, Казанская губ.), или же въ случаяхъ необходимости устройства курсовъ районныхъ, болѣе длительныхъ, а также по тѣмъ отдѣльнымъ отраслямъ хозяйства, специалисты коихъ имѣются лишь въ распоряженіи губернской управы (Владимірская, Вятская, Воронежская, Уфимская гг.).

Сельскохозяйственные общества были исключитель-

ными организаторами курсовъ въ прибалтійскихъ и привислинскихъ губерніяхъ. Значительное участіе принимали они также въ этомъ дѣлѣ въ Петроградской, Витебской, Черниговской, Тульской, Псковской, Ковенской губерніяхъ и Кубанской и Донской областяхъ, замѣняя въ послѣднихъ замства и дополняя работу ихъ въ другихъ.

По времени устройства курсы распредѣляются такимъ образомъ:

Въ зимніе мѣсяцы (декабрь—февраль)			
курсовъ проведено	47,2 ⁰ / ₁₀₀	общаго	числа ихъ.
Въ осенніе мѣсяцы (сентябрь—ноябрь)			
курсовъ проведено	21,2 ⁰ / ₁₀₀	”	”
Въ весенніе мѣсяцы (мартъ—май)			
курсовъ проведено	20,0 ⁰ / ₁₀₀	”	”
Въ лѣтніе мѣсяцы (іюнь—августъ)			
курсовъ проведено	11,6 ⁰ / ₁₀₀	”	”

Большинство курсовъ устраивается, слѣдовательно, въ свободное отъ полевыхъ работъ время и только часть курсовъ специальныхъ, по тѣмъ отраслямъ хозяйства, для ознакомленія съ коими подходящую обстановку даетъ лишь вегетаціонный періодъ (напримѣръ, курсы по садоводству, огородничеству и друг., а также по пчеловодству), проводятся лѣтомъ и въ близкіе къ нему мѣсяцы весны и осени.

Почти третья часть общаго числа курсовъ отчетнаго года, какъ и предыдущихъ лѣтъ, была продолжительностью лишь до одной недѣли, представляя собою по преимуществу курсы специального характера — по пчеловодству, полеводству, птицеводству, виноградарству, садоводству, огородничеству, льноводству и конноплеводству. Курсы двухнедѣльные — наиболѣе распространенные; далѣе въ нисходящемъ порядкѣ идутъ курсы трехнедѣльные, одно- и двухмѣсячные, которыхъ въ 1913-мъ году насчитывалось: первыхъ до 240, вторыхъ — до 150 и послѣднихъ — до 60-ти. Всѣхъ прочихъ курсовъ большей продолжительности насчитывалось повсемѣстно лишь 37, при чемъ свыше двухъ-третей ихъ было организовано въ предѣлахъ прибалтійскихъ

и привислинскихъ губерній, гдѣ они замѣняли собою до нѣкоторой степени низшія сельскохозяйственныя школы.

Преобладающую часть слушателей составляютъ земледѣльцы: въ 1913-мъ году—94,7%, для коихъ разсматриваемые курсы собственно и предназначаются. Кромѣ нихъ слушателями являются и другіе жители деревни, ведущіе хозяйство или какую-нибудь отрасль его и имѣющія возможность получить и пополнить нужныя для того знанія только на близкихъ къ нимъ курсахъ: учителя, какovýchъ въ 1913-мъ году въ числѣ слушателей насчитывалось 2,8%, духовныя лица—0,9% и низшіе служащіе частныхъ имѣній и проч.—1,6%.

Составъ слушателей по формамъ и размѣрамъ земельнаго владѣнія въ ‰‰-мъ отношеніи къ общему числу ихъ таковъ:

общинники.	45,6
подворники.	27,3
отрубники.	10,6
хуторяне.	10,6
прочіе.	5,9
	<hr/>
	100%
безземельные.	10,7
имѣющіе до 3-хъ десятинъ	15,5
» отъ 3-хъ до 5 десятинъ.	14,3
» » 5 » 10 »	20,6
» » 10 » 20 »	22,3
» » 20 » 50 »	13,1
» свыше 50-ти »	3,5
	<hr/>
	100%

Распределеніе слушателей по возрасту указываетъ, что преобладающую среди нихъ группу составляютъ лица отъ 16-ти до 30-ти лѣтъ (58%), лишь частью ведущіе хозяйство уже самостоятельно, въ большинствѣ же случаевъ работающіе въ хозяйствахъ отцовъ. Изъ

средняго возраста—30—50 лѣтъ (собственно хозяевъ)—на долю слушателей приходится 34,1%; двѣ же крайнія группы — старики и полурабочая молодежь — даютъ вмѣстѣ только 7,9% общаго числа слушателей.

На устройство сельскохозяйственныхъ курсовъ въ 1913 г. израсходовано всего 1,008,144 рубля или въ среднемъ по 12761 руб. на губернію.

Изъ приведенной выше общей суммы на долю расходовъ изъ средствъ правительственныхъ приходится 60%, прочіе были отпущены изъ мѣстныхъ источниковъ. Составъ послѣднихъ въ ‰‰‰ таковъ:

ассигнованія земскія:	{	уѣздныя	18,6	}	29,5
		губернскія	10,9		
»		с.-х. обществъ	7,7		
»		учрежд. мелкаго кред.	0,1		
»		частныхъ лицъ и прочія.	2,7		

Примѣрное число слушателей устанавливается для различныхъ курсовъ обыкновенно въ слѣдующихъ предѣлахъ: для общихъ сельскохозяйственныхъ—40—60 человекъ, для курсовъ скотоводства и молочнаго хозяйства—15—30, садоводства, огородничества и пчеловодства—15—25, луговодства, культуры болотъ и льноводства 15—20 и домоводства—30—40. Для курсовъ общихъ сельскохозяйственныхъ среднія числа эти нѣсколько возрастаютъ въ случаяхъ устройства курсовъ мѣстныхъ и болѣе краткосрочныхъ, что стоитъ въ связи съ меньшимъ числомъ часовъ на нихъ, удѣляемыхъ практическимъ занятіямъ. На курсахъ специальныхъ число слушателей превышаетъ приведенныя нормы обычно лишь тогда, когда обстановка курсовъ позволяетъ вести практическія работы отдѣльно для нѣсколькихъ группъ ихъ. На практикѣ встрѣчаются случаи, когда на курсахъ—особенно на общихъ сельскохозяйственныхъ — число слушателей достигаетъ 100—150 душъ, но подобное положеніе не можетъ быть признано, конечно, нормальнымъ, такъ какъ значительно затрудняетъ веденіе практическихъ занятій и

сводить значеніе такихъ курсовъ къ уровню обычныхъ чтеній.

Въ случаѣ, если курсы организуются не только для населенія незначительной округи, дающей приходящихъ слушателей, но и на болѣе или менѣе крупный районъ, является необходимость подысканія помѣщенія также для общежитія курсистовъ и столовой ихъ. При этомъ, въ цѣляхъ болѣе продуктивнаго использованія времени на курсахъ, стремятся къ тому, чтобы сосредоточить всѣ курсовыя помѣщенія въ одномъ мѣстѣ, такъ какъ иное положеніе неблагопріятно отражается на административной и учебной сторонахъ дѣла.

Въ отношеніи организаціи продовольствія слушателей обычно наблюдаются случаи принятія администраціей курсовъ на себя всѣхъ по этому дѣлу заботъ. Но иногда, получая отъ завѣдывающаго курсами опредѣленные на соотвѣтствующіе расходы суммы, слушатели устраиваютъ себѣ столъ на артельныхъ началахъ; послѣднее чаще встрѣчается тогда, когда слушатели, не имѣя общежитія, распределяются группами въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ.

Число лекторскаго персонала колеблется въ зависимости отъ типа курсовъ въ весьма значительныхъ предѣлахъ: краткосрочные спеціальные курсы обслуживаются по преимуществу только 1-мъ лекторомъ (курсы садоводства и огородничества, пчеловодства, птицеводства, льноводства и коноплеводства, виноградарства и винодѣлія), болѣе длительные изъ нихъ— 2—3—5-ью (курсы скотоводства и молочнаго хозяйства, домоводства); въ веденіи общихъ сельскохозяйственныхъ курсовъ также принимаетъ участіе чаще 3—5 лекторовъ, но на болѣе продолжительныхъ число послѣднихъ возрастаетъ до 10 и 15-ти.

Приводимыя выше свѣдѣнія о сельскохозяйственныхъ курсахъ имѣютъ для насъ не только значеніе для примѣрки мѣропріятій нашего типа, но и показываютъ намъ, что форма подобнаго рода курсовъ уже населенію извѣстна. Если опытъ курсовъ кооперативныхъ

и сельскохозяйственных не даетъ намъ полнаго ручательства, что общеобразовательные курсы будутъ быстро освоены, то все же мы пойдемъ по дорогѣ, проложенной въ нашемъ бытовомъ укладѣ.

Изъ опыта сельскохозяйственныхъ курсовъ, повидимому, явствуетъ, что двухмѣсячный срокъ для зимнихъ крестьянскихъ курсовъ населеніе принять можетъ.

Думается также, что срокъ этотъ—наименьшій для постановки опытныхъ мѣропріятій на пути къ высшей крестьянской школѣ.

Поэтому именно этотъ срокъ мы и положимъ въ основу нашего проекта.

Итакъ, рѣчь идетъ о томъ, чтобы поставить на очередь устройство общеобразовательныхъ крестьянскихъ курсовъ срокомъ въ два зимнихъ мѣсяца.

Территоріей, каковая обслуживается подобными курсами, удобнѣе всего взять за мѣрку—уѣздъ. Въ уѣздномъ городѣ, если таковой находится въ удобномъ пунктѣ уѣзда, и слѣдовало бы устраивать курсы. Разумѣется, сколько-нибудь планомерная сѣть подобныхъ курсовъ потребовала бы раздѣленія уѣздовъ на части и устройства курсовъ въ базарныхъ мѣстечкахъ и слободахъ.

Но пока мы имѣемъ въ виду лишь эпизодическіе курсы, можно помириться на уѣздѣ.

Къ назначенному сроку въ уѣздный городъ надо собрать человекъ 50—60 крестьянъ въ возрастѣ отъ 16 до 40 лѣтъ, преимущественно изъ окончившихъ начальную школу. Думается, что эти курсисты должны быть собраны не простымъ объявленіемъ о имѣющихъ быть курсахъ,—по крайней мѣрѣ, ядро ихъ должны составить лица, рекомендованныя мѣстными кооперативами, агрономами, народными учителями.

Должна ли аудиторія подобнаго рода быть изъ лицъ обою пола?

На этотъ вопросъ я не рѣшился бы отвѣтить категорически.

Принципіальныя соображенія заставляютъ высказаться за смѣшанную аудиторію.

Особыя условія переживаемаго момента еще болѣе подчеркиваютъ необходимость привлеченія слушательницъ. На кооперативныхъ курсахъ слушательницы бываютъ, хотя и не въ большомъ числѣ.

Все же цѣликомъ этотъ вопросъ надо оставить на мѣстное соображеніе, мѣстные сужденія.

Такъ какъ мы въ данное время не проектируемъ планомѣрной сѣти мѣропріятій, а разсуждаемъ лишь объ эпизодѣ, то и нѣтъ надобности спѣшить съ окончательными выводами. Курсы нашего типа должны войти безъ излишнихъ шероховатостей въ сельскій бытъ.

Финансовая сторона нашего предпріятія въ приближительномъ учетѣ можетъ быть представлена такъ. Двухмѣсячный срокъ курсовъ предполагаетъ около 50-ти учебныхъ дней. Думается, что не слѣдуетъ особенно перегружать курсистовъ занятіями и дать имъ время на то, чтобы почитать, подумать, осмыслить предложенный матеріаль. Поэтому 5 учебныхъ часовъ можно считать достаточнымъ временемъ занятій для лекцій и бесѣдъ.

При 50-ти учебныхъ дняхъ получается 250 часовъ учебныхъ занятій.

Оплата лекторскаго труда на кооперативныхъ курсахъ обычно равняется 5 р. въ часъ за лекціи и 3 р. въ часъ за бесѣды и практическія занятія. Въ общеобразовательныхъ классахъ плата за урокъ въ случаяхъ извѣстныхъ намъ равнялась одному рублю. Если взять среднюю норму оплаты въ 3 руб. за часъ, то это составитъ въ общей сложности $250 \text{ ч.} \times 3 = 750 \text{ руб.}$ — оплата преподавательскаго труда.

Если бы подобнаго рода курсы стали періодическими, то несомнѣнно для ихъ организаціи, такъ сказать, въ корень этого дѣла, потребовался бы специалистъ педагогъ, и тогда, слѣдовательно, въ смѣту курсовъ должно бы войти и годовое содержаніе этого лица.

Что касается курсовъ, какъ эпизода, то думается, что роль завѣдывающаго могъ бы взять на себя мѣстный земскій вѣншкольникъ, откомандировавшись для выполненія этого дѣла.

Къ указанному расходу на оплату преподавательскихъ силъ надо прибавить расходъ на помѣщеніе курсовъ и квартиру для общежитія курсистовъ, скажемъ, въ суммѣ ста рублей, расходъ на учебныя пособия въ суммѣ двухсотъ-трехсотъ рублей и разнаго рода мелкіе расходы въ суммѣ ста рублей.

Расходъ на содержаніе курсистовъ опредѣляется въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, отъ той встрѣчи, какую окажетъ населеніе данному мѣропріятію, отъ тѣхъ средствъ, кои будутъ въ распоряженіи устроителей.

Нельзя не высказать пожеланія, чтобы курсисты во всякомъ случаѣ были устроены въ квартирномъ отношеніи за счетъ курсовъ, чтобы они были организованы въ полученіи пищи, чаепитія. Что касается стоимости продовольствія, то здѣсь предпочтительнѣе выдачи стипендій на продовольствіе отъ земства или кооперативовъ всѣмъ нуждающимся въ этомъ курсистамъ.

При условіи хорошей организациі столовой курсистовъ стипендія въ 20 — 25 руб. на курсиста за все время курсовъ могла бы оказаться удовлетворительной.

Въ крайнемъ случаѣ можно бы принять, что лишь тѣ курсисты получаютъ стипендіи, кои по отзывамъ рекомендующихъ ихъ лицъ и учреждений своимъ коштомъ курсы проти не могутъ.

Вотъ, слѣдовательно, нѣкоторые примѣрные расчеты по устройству курсовъ въ уѣздномъ городѣ.

Стоимость такихъ курсовъ для уѣзднаго земства, или для общественныхъ организацій, или для частнаго почина опредѣляется въ суммѣ отъ полуторы до трехъ тысячъ рублей.

Идея высшей крестьянской школы, положенная въ основу нашего проекта, взята нами изъ практики Скандинавскихъ странъ.

Однако, заимствуя эту идею, мы отнюдь не рекомендуемъ перенести цѣликомъ Скандинавскую постройку въ наши палестины.

Практика Скандинавскихъ странъ важна для насъ какъ опытъ, вдохновенно и удачно проведенный.

Но въ своей работѣ въ указанномъ направленіи мы должны проявить всю силу собственного творчества и, если такъ можно выразиться, творчества *мѣстнаго*.

Ибо на необъятной территоріи Россіи въ различныхъ областяхъ и крестьянская высшая школа несомнѣнно получить своеобразный обликъ.

Крестьянская высшая школа должна явиться лишь звеномъ въ творествѣ трудовой крестьянской культуры.

А какъ мы уже знаемъ, крестьянская культура имѣетъ свои основныя черты въ слѣдующемъ:

Крестьянская культура—землеподвластна,
національна,
религіозна,
покоится на исконномъ
эстетическомъ грунтѣ.

Поэтому, переходя въ нижеслѣдующихъ строкахъ къ обсужденію программы курсовъ нашего типа, необходимо внести нѣсколько оговорокъ.

Во-первыхъ, излагаемая здѣсь соображенія касательно программы курсовъ лишь въ части своей испытаны опытнымъ путемъ въ нашей обстановкѣ.

Во-вторыхъ, въ данное время было бы затруднительно и прямо непосильно для составителей даннаго проекта обсуждать программу курсовъ примѣнительно къ разнымъ краямъ и провинціямъ нашего отечества.

Въ нижеслѣдующихъ строкахъ программа курсовъ обсуждается примѣнительно къ мѣстностямъ съ великорусскимъ населеніемъ.

Для пишущаго эти строки совершенно ясно и оче-

видно, что проектируя подобные курсы, скажемъ, для грузинскаго населенія надо въ выработкѣ программы продѣлать самостоятельную работу, каковая посильна лишь работникамъ того края.

Засимъ пишущій эти строки намѣренъ съ большей подробностью остановить вниманіе читателей лишь на тѣхъ раздѣлахъ программы, коихъ касалась его лекторская практика.

* * *

Программа общеобразовательныхъ курсовъ мнѣ представляется состоящей изъ трехъ раздѣловъ:

- 1) Природовѣдѣніе.
- 2) Исторія русской культуры.
- 3) Обществовѣдѣніе.

Полагаю, что нѣтъ большой надобности останавливаться подробно на первомъ раздѣлѣ.

Въ практикѣ нашего сельскохозяйственнаго внѣшкольнаго образованія по этому раздѣлу имѣется пройденный опытомъ педагогическій матеріалъ.

Въ практикѣ высшей начальной школы и школы сельскохозяйственной опять-таки найдется примѣрная канва для проектированія программы для нашихъ курсовъ.

Придется высказать развѣ общее пожеланіе, направленное къ этому раздѣлу программы, чтобы учебный матеріалъ для этого раздѣла былъ внимательно согласованъ съ мѣстной природой и бытомъ.

Второй раздѣлъ нашей программы въ моемъ представленіи дѣлится на слѣдующіе подотдѣлы:

- 1) Характерныя черты въ исторіи народнаго хозяйства въ Россіи.
- 2) Страницы изъ исторіи Русскаго государства.
- 3) Страницы изъ исторіи языка и словесности.
- 4) Страницы изъ исторіи искусства въ Россіи.
- 5) Страницы изъ исторіи Церкви.

Подобное построеніе программы несомнѣнно встрѣ-

тить рядъ возраженій, и одно изъ нихъ особенно мною ожидается.

Скажутъ, что нельзя на краткосрочныхъ курсахъ, и при неподготовленности слушателей, затрагивать столько глубокихъ научныхъ вопросовъ.

Мною нарочито подчеркнута вездѣ, что преподается не исторія, а страницы изъ исторіи.

Отъ соображеній лектора зависитъ остановить вниманіе слушателей на тѣхъ или иныхъ моментахъ исторіи, взять ту или иную связь событій въ прошломъ.

Задача лектора будетъ достигнута, если онъ подвигнетъ слушателей въ пониманіи законмѣрности историческихъ событій, пробудитъ любовь къ историческому познанію судебъ родины и укрѣпитъ ихъ чувство отвѣтственности за національное достоинство страны.

Задача высшей школы, говоритъ профессоръ А. Ф. Фортунатовъ, не столько въ сообщеніи знаній, сколько въ выработкѣ *пониманія*.

На пути къ высшей крестьянской школѣ надо круто повернуть отъ школьныхъ приемовъ преподаванія и построенія программъ.

Если тотъ или иной слушатель курсовъ захочетъ пополнить знанія по заинтересовавшему его отдѣлу, то онъ можетъ это продѣлать и дома, пользуясь мѣстной библіотекой, музеемъ, чтеніями на отдѣльныя темы и проч.

Также не убѣдили меня слышанныя мною возраженія по поводу введенія отдѣла «изъ исторіи искусствъ въ Россіи». На этотъ счетъ въ нашихъ общественныхъ кругахъ вкоренились нѣкоторые, прямо сказать, предрассудки.

Приходилось даже слышать такія замѣчанія: такъ какъ, молъ, жизнь крестьянства темна, безправна, безрадостна, то и говорить объ искусствѣ съ народомъ несвоевременно.

У кого безрадостна жизнь—тотъ ищетъ радости. Ужъ именно поэтому искусство трудовой средѣ должно быть близко и желанно.

Теперь какъ будто замѣчается нѣкоторый поворотъ въ сторону эстетической культуры.

Болѣе опредѣленно говорятъ и о народномъ театрѣ, и о необходимости постройки народныхъ домовъ, и объ устройствѣ музыкальныхъ и хоровыхъ обществъ.

Кооперативныя учрежденія поставили своей задачей содѣйствіе просвѣщенію вообще и эстетическому воспитанію въ частности.

А если это такъ, то, слѣдовательно, общественный работникъ деревни непосредственно, практически связанъ съ вопросами искусства.

Педагогическую самоцѣнность эстетическаго воспитанія приходится доказывать, національная цѣнность подновленія искусства въ народной жизни еще не всѣми осознана, но есть уже практическая жизненная задача: нужно наполнить эстетическимъ содержаніемъ дѣятельность народныхъ домовъ.

Эту задачу можно разрѣшить только совмѣстно съ народомъ.

Поэтому въ народной аудиторіи заговорить объ искусствѣ необходимо, неизбежно.

Съ чего же начать этотъ необычный для нашей педагогіи разговоръ?

Думается, что прежде всего надо протянуть въ сознаніи аудиторіи тѣ нити, которыя составляютъ основу всякаго искусства: отъ безличнаго народнаго искусства къ художнику, творцу, гению—выразителю народной души.

Освѣтить путь отъ народной пѣсни къ Мусоргскому; отъ былины и сказки къ Пушкину; отъ старинной иконы къ Нестерову и Врубелю—вотъ тема тѣхъ бесѣдъ, кои должны получить законное мѣсто въ крестьянской аудиторіи.

* * *

Далѣе мнѣ надлежитъ коснуться того раздѣла, который я назвалъ обществовѣдѣніемъ.

Можетъ быть, это названіе неудачно, но дѣло, конечно, не въ названіи.

Въ моемъ представленіи этотъ раздѣлъ начинается съ *экономической географіи*. Этотъ предметъ мнѣ приходилось читать на кооперативныхъ курсахъ.

Моя программа чтеній слагалась изъ выясненія понятія мірового хозяйства, мірового товарообмѣна, мірового рынка; давалась характеристика взаимоотношеній частей свѣта и государствъ въ міровой торговлѣ; болѣе подробно останавливался я на положеніи странъ сельскохозяйственныхъ; затѣмъ переходилъ къ освѣщенію вопроса о томъ, съ кѣмъ и чѣмъ торгуетъ Россія; за этимъ долженъ слѣдовать обзоръ мѣстнаго товарообмѣна, мѣстнаго рынка, мѣстныхъ производствъ, хозяйственныхъ цѣнностей и рыночныхъ тяготѣній, съ уклономъ въ сторону выясненія связи мѣстнаго сельскаго хозяйства съ общероссійскимъ и міровымъ рынкомъ.

Подобнаго же рода программа бесѣдъ по экономической географіи можетъ быть построена и въ обратномъ порядкѣ, то-есть, освѣщая путь отъ мѣстныхъ хозяйственныхъ условій къ общемировому хозяйству, на чемъ настаивали нѣкоторые мои товарищи.

Мнѣ кажется, что тотъ или иной порядокъ изложенія предмета надо оставить на искусство лектора.

Далѣе, составной частью раздѣла обществовѣдѣнія долженъ, по моему мнѣнію, явиться краткій курсъ сельской коопераціи, выясняющей сущность и значеніе товарищескаго дѣла для современной деревни.

Слѣдующій курсъ должно составить выясненіе роли, значенія и *задачъ земства* по всеѣмъ отраслямъ его дѣятельности, какъ-то: экономической отдѣлъ, народное образованіе, народное здравіе, дорожный отдѣлъ, страховой отдѣлъ и проч.

Затѣмъ курсъ *«земледѣльческая наука и агрономія»* долженъ выяснить роль земледѣльца и создаваемыхъ имъ учреждений—сельскохозяйственныхъ обществъ въ дѣлѣ улучшенія хозяйства.

Этотъ курсъ долженъ дать понятіе объ опытномъ дѣлѣ и сортоводствѣ въ ихъ теперешней постановкѣ, указать на значеніе общественной агрономіи и ея связи съ самодѣятельностью земледѣльца.

Къ этому же раздѣлу можно отнести бесѣды по законовѣдѣнію.

* * *

Вотъ общіе контуры программы общеобразовательныхъ курсовъ для крестьянъ-земледѣльцевъ, какъ я ее себѣ представляю.

По моему глубокому убѣжденію, въ каждомъ уѣздномъ городѣ изъ состава учителей, агрономовъ, врачей и иныхъ служебныхъ силъ народа могъ бы составиться кружокъ лекторовъ, способныхъ провести пробные курсы подобнаго типа.

Съ другой стороны, каждое уѣздное земство, конечно, имѣетъ возможность затратить двѣ, три тысячи рублей на устройство подобныхъ курсовъ.

Я отнюдь не настаиваю, чтобы принята была именно та программа, которая мною предложена.

Но я считаю, что безотлагательно необходимы опыты проведенія такихъ курсовъ, что великія переживаемыя нами событія дѣлаютъ особенно необходимой и спѣшной *развѣдку на пути къ высшей школѣ для крестьянъ-земледѣльцевъ.*

А. Евдокимовъ.

Высшая крестьянская школа на Запад*)

Для образованія широких народных масс недостаточно одной начальной школы, хотя бы даже и повышеннаго типа. На Западъ это уже безусловно признано, признается по немногу это и у насъ. Какъ результатъ этого сознанія возникаетъ «второе образованіе», какъ называютъ его во Франціи, т.-е. образованіе дополнительное къ школь, обычно охватывающее круги подрастающей молодежи и взрослыхъ. Защитники этого «второго» образованія указываютъ обыкновенно на то, что школьныя знанія довольно быстро испаряются,

*) При составленіи настоящаго очерка авторъ пользовался слѣдующими книгами и статьями: *Ароновичъ*. Дополнительныя школы въ Германіи. „Рус. Шк.“, 1911. IV. *Бендиктсенъ*. Крестьянскіе университеты въ Скандинавскихъ странахъ. „Рус. Бог.“, 1902. № 11. *Виноградовъ*. Школа на Скандинавскомъ сѣверѣ. „Вѣстн. Евр.“, 1902. III. *Голушицова-Ллардель*. Общеобразовательные вечерніе курсы для взрослыхъ во Франціи. „Общее дѣло“, вып. IV. *К. Гр.* Высшія народныя школы въ Финляндіи. „Міръ Бож.“, 1901. XI. *Gruppi*. Les ecoles paysannes danoises. La Revue, 1912. № 23 et 24. *Грэнмагенъ*. Высшія народныя школы въ Швеціи. „Вѣстн. Евр.“, 1902. XII. *Каршицевъ*. Народная школа въ Даніи. „Педагогич. лист.“ 1913. № 6. *Каратыгинъ*. Въ странѣ крестьянскихъ товариществъ. Крестьянскія школы въ Даніи. „Вѣстн. Восп.“. 1913. IV. *Мижусевъ*. Вечерніе курсы и школы въ Англіи. *Münch.* Народные университеты въ Даніи. „Запр. жизни“, 1912. P. и E. Народное образованіе въ Даніи „Рус. Шк.“. 1913. VII—VIII. *Сазоновъ*. Сельскохозяйственное образованіе въ Даніи. „Земл. Газ.“ 1915. № 6. Сельскія дополнительныя школы въ Германіи. Изд. „Департамента Земледѣлія“. *Чайковский*. Высшая народная школа въ Даніи. „Жизнь для всѣхъ“. 1903. XII.

и поэтому необходимо ихъ освѣжать и укрѣплять. Указываютъ также на то, что этихъ школьныхъ знаній далеко недостаточно для жизни, требующей въ настоящее время болѣе глубокаго образованія, чѣмъ то, которое можно дать, въ силу чисто педагогическихъ возможностей, въ дѣтскомъ возрастѣ. Говорятъ также о большомъ чисто-воспитательномъ значеніи всякаго рода дополнительнаго образованія для молодежи широкихъ слоевъ населенія. Англійскій педагогъ Сэдлеръ энергично подчеркиваетъ эту мысль. «Вопросъ о томъ, — говоритъ онъ, — какъ проводить свой досугъ, чѣмъ занимается свое свободное время молодой рабочей, имѣетъ не меньшую важность для государства, какъ и вопросъ о томъ, насколько производительнъ трудъ этого рабочаго во время его занятій на фабрикѣ или въ промышленномъ заведеніи. Поэтому было бы неразумно относиться отрицательно и отказывать въ педагогическомъ значеніи какъ бы то ни было формамъ учебныхъ занятій, — будь даже то занятія отрывочныя, случайныя, если только они привлекаютъ интересъ нѣкотораго количества молодыхъ людей или дѣвицъ». Но въ этомъ вопросѣ есть еще одна сторона, пожалуй, самая важная. Это именно возможность черезъ посредство этихъ дополнительныхъ занятій открывать дорогу къ культурному подъему наиболѣе одареннымъ, наиболѣе способнымъ элементамъ. Хорошо извѣстны слова Марешала: «Дать возможность народной массѣ получать хорошее образованіе было бы для общества весьма выгоднымъ помещеніемъ національнаго капитала, потому что такимъ путемъ могли бы проявиться дарованія многихъ лицъ, которыя теперь умираютъ въ совершенной безвѣстности. Экономическая цѣнность одного промышленнаго генія съ избыткомъ покроетъ издержки по образованію дѣтей цѣлаго города». Если эти слова вѣрны по отношенію къ образованію дѣтей, то тѣмъ болѣе будутъ они вѣрны, если ихъ примѣнить къ дополнительному образованію молодежи и взрослыхъ. Именно среди этой молодежи особенно часто обнаруживаются замѣчательныя

головы, которымъ надо дать возможность развить до конца всю ихъ возможную интеллектуальную силу.

Дополнительное образованіе взрослыхъ во всѣхъ странахъ обычно начиналось съ отдѣльныхъ разрозненныхъ попытокъ, въ видѣ разнаго рода чтеній, лекцій, эпизодическихъ курсовъ и т. п. Затѣмъ уже съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ укрѣплялось сознаніе важности этого дѣла, отдѣльныя начинанія сливались въ одно, выростала извѣстная система. Такимъ образомъ дополнительное образованіе, зарождавшееся въ видѣ образованія внѣшкольнаго, черезъ нѣкоторое время переходило въ формы школьнаго образованія. Выростала въ той или иной формѣ *высшая народная школа*. Много было споровъ о томъ, какой должна быть эта школа, что именно она должна давать. Споры эти, вполнѣ естественно, не умолкали и сейчасъ.

Споръ вращается около двухъ полюсовъ. Одни настаиваютъ, что высшая народная школа, имѣющая цѣлью обслуживать интересы широкихъ народныхъ массъ, должна отвѣчать ихъ непосредственнымъ жизненнымъ запросомъ, т.-е. должна быть, главнымъ образомъ, школой прикладнаго характера. Другіе защищаютъ принципъ общеобразовательной школы, указывая, что по существу нѣтъ никакой разницы между трудомъ инженера и трудомъ крестьянина, что какъ для того, такъ и для другого въ равной степени важно и нужно получить общее образованіе, на фундаментѣ котораго уже и можно будетъ строить потомъ образованіе специальное.

Первый взглядъ на высшую народную школу получилъ свое наиболѣе яркое выраженіе въ германскихъ, такъ называемыхъ, дополнительныхъ школахъ. Преслѣдуя цѣль—дополнить школьное образованіе, эти школы стремятся въ возможно болѣе короткій срокъ дать возможно болѣе полное специальное образованіе.

Если мы обратимся, на примѣръ, къ сельскимъ дополнительнымъ школамъ, то мы увидимъ, что въ нихъ преподаются и естествознаніе и общественныя науки,

но все приурочено къ одной опредѣленной цѣли—выработать наилучшаго сельскаго хозяина съ наименьшей затратой времени и труда съ его стороны. Въ программѣ по естествознанію мы увидимъ слѣдующее: «Въ чемъ нуждаются растенія для жизни? Теплота, свѣтъ, вода, почва, воздухъ». Развивая этотъ отдѣлъ, программа останавливается, между прочимъ, на почвѣ. «Какъ усваиваются растеніями твердыя составныя части почвы? Вывѣтриваніе и разложеніе почвы. Какимъ путемъ можно усилить разложеніе почвы? Обработка почвы, удобреніе известью». Рядомъ въ отдѣлѣ письменныхъ упражненій стоитъ составленіе письма, связаннаго съ покупкой земледѣльческихъ орудій. А въ отдѣлѣ ариѳметики мы видимъ здѣсь же вычисленія относительно покупки земледѣльческихъ орудій.

Обратившись къ общественнымъ наукамъ, мы видимъ приблизительно то же самое. Разсматривая, напримѣръ, вопросъ о государствѣ, программа ставитъ вопросы: «Какую пользу приноситъ земледѣльцу государство? Что требуетъ отъ земледѣльца государство?» На вопросъ: «Какія услуги оказываетъ имперія земледѣльцу?» программа отвѣчаетъ: «Ею создано дѣйствующее право. Защита отъ иностранныхъ государствъ: войска и флотъ имперіи, войска и флоты иностранныхъ великихъ державъ, - посольства. Охрана отъ заразныхъ болѣзней людей и животныхъ. Мѣры, вѣсъ и монеты. Почта и телеграфъ. Страхуваніе отъ несчастныхъ случаевъ, страхуваніе на случай потери способности къ труду». Въ письменныхъ упражненіяхъ стоитъ составленіе прошенія о назначеніи пенсіи за инвалидность или старость. Въ ариѳметикѣ къ тому же отдѣлу относятся вычисленія стоимости почтовыхъ посылокъ, выясненіе размѣра пенсіи вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ, расходы и преимущества страхуванія на случай инвалидности и т. д.

Старательность и настойчивость, съ которой специализируется и утилитаризируется школа, подчеркивается особенно тѣми хрестоматіями, которыя издаются для школъ подобнаго рода. Въ хрестоматіяхъ, предназна-

ченныхъ для сельскихъ дополнительныхъ школъ, все приноровлено къ интересамъ и кругу зрѣнія земледѣльца. Въ хрестоматіяхъ же для городскихъ дополнительныхъ школъ мы увидимъ отдѣлы: «Ремесленный ученикъ, подмастерье, изъ исторіи странствованій подмастерья, описаніе видѣннаго подмастерья во время путешествія его по различнымъ городамъ, описаніе главныхъ городовъ, рѣкъ, морей, мѣстностей, замѣчательныхъ въ промышленномъ отношеніи; подмастерье въ прошломъ и настоящемъ; отбываніе воинской повинности; о войскѣ и военной службѣ» и т. д.

Такъ мы видимъ здѣсь, какъ заботливое нѣмецкое государство, взявъ за руку своего молодого сочлена, твердо ведетъ его по предназначенному пути, предусмотрительно устраняя съ дороги все «постороннее», «ненужное», — все, что можетъ раздвинуть горизонтъ мысли, можетъ дать неожиданные толчки душевной жизни, открыть передъ глазами новые пути. Въ значительной степени, благодаря этой школѣ, которая есть только часть общей системы, создаются тѣ узкіе спеціалисты, которыми такъ богата нѣмецкая новѣйшая культура, что даетъ ей временную силу, но что представляетъ также для нея грандіозную опасность въ будущемъ. Спеціалистъ безъ общаго образованія, безъ широты кругозора, превращается въ своего рода чловѣческую машину. Истиннаго народнаго творчества, истинной глубины культуры не можетъ быть тамъ, гдѣ чловѣкъ всю жизнь идетъ въ шорахъ своей специальности, ничего не видя и не зная кругомъ.

Скандинавскій сѣверъ выработалъ другой типъ высшей народной школы, рѣзко противоположный типу нѣмецкому. Провозвѣстникомъ этой новой народной школы былъ датскій пасторъ Грундтвигъ. Надо имѣть въ виду, что его мысль совершенно не шла по пути созданія какой-то особенной «школы для народа». Онъ мечталъ о новой школѣ, въ которую одинаково бы шли представители всѣхъ слоевъ населенія. Основною мыслью Грундтвига было, что школа совершенно не должна

давать какихъ-нибудь специальныхъ техническихъ знаній. Она должна давать истинное общее образованіе, приготовляя тѣмъ самымъ гражданъ къ любой профессіи. Грундтвигъ считалъ возможнымъ и необходимымъ давать такое общее образованіе всему народу въ цѣломъ. Школа, по его мысли, не должна была ни въ коемъ случаѣ отрывать человѣка отъ его среды. Оканчивая высшую народную школу, человѣкъ «уходилъ опять на свое прежнее мѣсто, но съ новой душой».

Для того, чтобы яснѣе обрисовать идеи Грундтвига, полезно будетъ привести его собственныя слова объ этой желанной для него народной школѣ. «Она (т.-е. эта школа) должна познакомить учащихся съ человѣческой жизнью, ввести ихъ въ гражданскія обязанности, уяснить имъ потребности родной страны, она должна воздѣйствовать простымъ словомъ, преподаваніемъ исторіи, знакомствомъ со всѣмъ, что есть великаго и прекраснаго, оживленнымъ пѣніемъ, единеніемъ, товарищескими чувствами, невинными развлечениями, весельемъ и играми». «Школа не должна быть политической трибуной, но нужно дать учащемуся ясное понятіе о современномъ состояніи политики, чтобы онъ не сдѣлался безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ политическихъ партій. Нужно его подготовить къ дѣятельности по общественному самоуправленію. Высшая школа можетъ служить разсадникомъ общественныхъ работниковъ скорѣе, чѣмъ университетъ, который своей латынью только отгораживаетъ людей отъ дѣйствительной жизни». Такимъ образомъ, эта высшая народная школа должна была, по мысли Грундтвига, радикальнымъ образомъ измѣнить всю постановку народнаго образованія. Соперничая съ университетомъ, она должна была давать болѣе живой откликъ на запросы жизни, готовить людей для жизни, а не для мертвой учебы.

«Мы, — говоритъ Грундтвигъ, — нуждаемся въ новой школѣ, которую я называю высшей потому, что она, будучи свободной и предназначаемой только для взрослыхъ, должна перевоспитать народъ и содѣйствовать

условію ихъ возвышенныхъ взглядовъ на жизнь». Перевоспитаніе народа, народа въ его цѣломъ—вотъ какую широкую задачу ставилъ Грундтвигъ этой новой школь. Заслуживаетъ быть подчеркнутымъ еще одно обстоятельство. Грундтвигъ предназначалъ свою школу только для взрослыхъ, т.-е. вѣрнѣе, для возмужалой молодежи. Глубочайшимъ его педагогическимъ убѣжденіемъ было то, что всѣ высшія мысли и тончайшія движенія чело-вѣческаго духа могутъ быть доступны чело-вѣку только въ періодъ наивысшаго напряженія его духовной жизни, каковымъ онъ считалъ возрастъ отъ 17 до 25 лѣтъ. Этотъ возрастъ бурнаго расцвѣта долженъ былъ, по мысли Грундтвига, быть использованъ для внѣдренія въ раскрывшуюся и жаждущую пищи молодую душу лучшихъ духовныхъ цѣнностей чело-вѣчества.

Идеи Грундтвига попали на въ высшей степени благопріятную почву. Какъ разъ въ его время Данія переживала тяжелую эпоху, когда угроза нѣмецкаго наступленія висѣла уже надъ самымъ ея національнымъ существованіемъ. Подъ тяжелой внѣшней грозой здоровый внутренне народъ всегда производитъ смотръ своимъ силамъ и всегда находитъ пути для ихъ увеличенія. То же произошло и съ Даніей. Лучшие представители датской интеллигенціи поняли, что отсталость широкихъ массъ крестьянства является внутренней живой угрозой національному существованію Даніи. Тогда-то идеи Грундтвига и были восприняты главнымъ образомъ съ точки зрѣнія ихъ примѣнимости для быстрого и вѣрнаго подъема культурнаго состоянія датскаго крестьянства.

Появившіяся около середины XIX в. первыя грундтвиговскія школы были сравнительно слабыми попытками, сдѣланными въ этомъ направленіи. Но неудача войны съ Германіей и потеря Шлезвигъ-Голштиніи была могучимъ толчкомъ къ пробужденію національно-культурнаго движенія.

Маленькая Данія стала быстро покрываться сѣтью этихъ высшихъ народныхъ школь. Заслуживаетъ,

между прочимъ, быть отмѣченнымъ одинъ фактъ. Основателемъ одной изъ первыхъ грундтвиговскихъ школъ было истинное дитя народа, сынъ сапожника Кольдъ. Жажда знанія толкнула его къ путешествію. Повидавъ свѣтъ и совершивъ любопытное цѣлеходное путешествіе черезъ Германію, Кольдъ вернулся въ свою родную Данію и основалъ здѣсь въ какой-то заброшенной, полуразвалившейся лачугѣ свою народную высшую школу. Школа Кольда опутана въ настоящее время цѣлой сѣтью легендъ. Дѣятели датскаго просвѣщенія съ умиленіемъ рассказываютъ о томъ, какъ первые ученики Кольда—молодые крестьяне окрѣжныхъ деревень, проводили время въ оживленныхъ и поучительныхъ бесѣдахъ съ этимъ новымъ Сократомъ, какъ они спали на голомъ полу своей лачуги-школы и ѣли пищу изъ общей миски деревянными ложками.

Это былъ, конечно, періодъ неискушеннаго еще жизнью идеализма. Это было еще младенчески невинное состояніе датской высшей народной школы, только еще пробивавшей какіе-то свои собственные новые пути. Съ тѣхъ поръ прошло много времени. Датская высшая народная школа развилась и окрѣпла, она во многомъ и измѣнилась. Но цѣлый рядъ идей Грундтвига, положенныхъ имъ въ основу новой народной высшей школы, остался непоколебимымъ и даже приобрѣлъ особенную отчетливость и выпуклость.

Первой характерной чертой датской высшей народной школы является индивидуализація каждой отдѣльной школьной организаціи. Этотъ принципъ горячо защищалъ Грундтвигъ, и онъ остается господствующимъ вплоть до нашихъ дней. Нѣтъ общей для всѣхъ школъ и постоянной программы, какихъ-нибудь обязательныхъ формъ преподаванія. Каждая школа строится сообразно съ условіями даннаго времени и мѣста и соотвѣтственно педагогическимъ убѣжденіемъ ея руководителей. Этотъ принципъ индивидуализаціи школъ для взрослыхъ является въ высшей степени важнымъ, ибо онъ даетъ возможность видоизмѣнять школьное

дѣло сообразно съ потребностями и запросами тѣхъ людей, которые приходятъ въ эту школу учиться. Здравость этого принципа признается, кажется, не только въ одной Даніи. Такъ, на примѣръ, французскій министръ народнаго просвѣщенія въ 1896 г. разослалъ мѣрамъ циркулярное письмо по вопросамъ объ отношеніи къ школамъ для взрослыхъ, гдѣ онъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «Въ той же мѣрѣ, въ какой школьное образованіе, чтобы процвѣтать, должно быть подчинено узаконенной организаціи,—курсы для взрослыхъ нуждаются, если хотять, чтобы они приносили пользу, въ сохраненіи первой гибкости и способности къ широкому разнообразію: однообразная регламентація только вредитъ имъ». Характерно то, что даже официальная Германія признаетъ принципъ индивидуализаціи школы для взрослыхъ. Такъ, въ 1876 г. по соглашенію трехъ министровъ—внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и земледѣлія, былъ изданъ циркуляръ, въ приложеніи къ которому подъ названіемъ «Общій порядокъ устройства сельскихъ дополнительныхъ школъ» говорилось между прочимъ, что «не слѣдуетъ стремиться къ достиженію единообразія въ дѣлѣ постановки обученія въ сельскихъ дополнительныхъ школахъ, но, наоборотъ, необходимо сообразоваться съ характеромъ занятій мѣстныхъ жителей, съ условіями мѣстнаго сельскаго хозяйства, а также съ состояніемъ мѣстныхъ народныхъ школъ и степенью подготовки ихъ учителей». Поэтому циркуляръ признавалъ возможнымъ «установить лишь самыя главныя основанія организаціи сельскихъ дополнительныхъ школъ, не входя въ какія-либо частности» *).

Датская школа, съ самаго начала принявшая за основаніе этотъ принципъ, дала наиболѣе блестящія доказательства его осмысленности и жизнеспособности.

Но когда мы говоримъ объ индивидуализаціи школы для взрослыхъ, не надо думать, что благодаря ей со-

*) Сазоновъ, ук. соч. 5—6.

здаются школы безконечно разнообразныя, пестрыя и ничѣмъ несвязанныя между собой. Отсутствіе регламентаціи сверху не закрываетъ возможности къ созданію единыхъ общихъ принциповъ, проводящихся во всѣхъ школахъ въ цѣломъ. Напротивъ, выдвинутыя и закрѣпленныя самой жизнью, эти общія черты всѣхъ школъ являются особенно прочно обоснованными.

Наравнѣ съ индивидуальностью каждой школы, другой общей для всѣхъ датскихъ высшихъ народныхъ школъ чертой являются отсутствіе какого бы то ни было принужденія, даже отсутствіе пріемовъ внѣшняго побужденія къ занятіямъ, какими являются, напримѣръ, экзамены. Когда Реддингской школѣ министерство предложило ввести у себя экзамены, совѣтъ школы отвѣтилъ слѣдующее: «Наша цѣль—пробуждать умственную жизнь путемъ свободныхъ собесѣдованій, развивать любовь къ отечеству путемъ уясненія отечественнаго языка, отечественной природы, отечественной исторіи. Мы хотимъ сдѣлать для гражданскаго сознанія въ народѣ то, что церковь для религіознаго. Намъ гораздо важнѣе вызвать въ учащихя стремленіе ко всѣму возвышенному и благородному въ жизни человѣка, чѣмъ научить ихъ грамматическому правилу или рѣшенію ариѳметическихъ задачъ. Нужно, чтобы учащіеся ушли отъ насъ одушевленные лучшими стремленіями. Недостающія знанія они, при наличности этого условія, пріобрѣтутъ безъ труда. Но, какъ явствуетъ изъ вышеизложеннаго, наше преподаваніе не совмѣстно съ требованіями экзамена». Руководители школы, можетъ быть, здѣсь слишкомъ и рѣзко высказывались о грамматическихъ правилахъ и ариѳметическихъ задачахъ, но важна основная мысль объ отсутствіи всякаго внѣшняго принужденія, которая проводится настойчиво во всѣхъ датскихъ высшихъ народныхъ школахъ. Да и не въ однѣхъ датскихъ. Этотъ типъ школы, возникнувъ въ Даніи и завоевавъ тамъ себѣ самыя широкія симпатіи населенія, довольно скоро былъ воспринятъ и въ другихъ сосѣднихъ странахъ—въ Швеціи и Норвегіи.

Отчасти тому же примѣру послѣдовала Англія и Америка. У насъ по тому же типу создаются школы въ Финляндіи. Поэтому мы съ полнымъ правомъ можемъ въ настоящее время говорить о высшей народной школѣ скандинавскаго сѣвера. Поэтому небезъинтересно будетъ привести мнѣніе Гольберга, директора Шведской школы въ Тэрна, по тому же вопросу о задачахъ школы и неумѣстности въ ней экзаменовъ. «Кто ищетъ специальныхъ знаній, тому надлежитъ обращаться къ ремесленнымъ и техническимъ, но не къ высшимъ народнымъ школамъ. Высшая народная школа имѣетъ цѣлью внести больше свѣта въ замкнутую крестьянскую среду, привязанную къ землѣ силою обстоятельствъ. Только въ этой средѣ, удаленной отъ просвѣтительныхъ центровъ и предоставленной самой себѣ, она стремится возбудить интересъ къ жизни, привязать каждаго къ землѣ и преподать полезныя знанія, необходимыя въ обыденной сельской жизни. Производить повѣрку знаній, пріобрѣтенныхъ учениками, она признаетъ совершенно бесполезнымъ уже потому, что сама жизнь сдѣлаетъ это гораздо лучше и навѣрно не ошибется въ оцѣнкѣ».

Въ приведенныхъ словахъ заслуживаетъ вниманія, между прочимъ, указаніе на преподаваніе полезныхъ знаній. Это явленіе сравнительно новое въ скандинавской школѣ. Оно является продуктомъ эволюціи, о которой мы еще будемъ говорить ниже. Но первая часть приведеннаго отрывка отчетливо намѣчаетъ, какъ основную задачу школы—общее развитіе, внесеніе возможно большаго количества свѣта въ замкнутую крестьянскую среду. Еще ярче подчеркиваютъ ту же задачу уставы шведскихъ высшихъ народныхъ школъ. Приводимъ отрывки изъ нихъ.

«Мы хотимъ пробудить въ молодежи желаніе жить лучшею жизнью и находить въ ней высокіе идеалы. Мы хотимъ пролить возможно больше свѣта, чтобы цѣли жизни были отчетливо видны каждому юношѣ».

«Высшая народная школа должна имѣть строго

гражданскій характеръ. Она должна открывать глаза народу и помогать ему разбираться въ жизненной дѣятельности; укрѣпляя нравственную связь между мужчиной и женщиной, она возвышаетъ значеніе семьи и научаетъ каждаго ея члена сознать: чѣмъ онъ обязанъ Богу, самому себѣ, семьѣ и обществу». Стремленіе къ общему образованію, какъ видно изъ всѣхъ вышеприведенныхъ пожеланій и положеній, остается господствующей чертой большинства школъ подобнаго рода въ Давіи, Швеціи, Норвегіи и Финляндіи. Въ этомъ отношеніи скандинавская высшая народная школа остается въ основѣ вѣрной завѣтамъ Грундтвига.

Столь же вѣрной этимъ завѣтамъ остается она и по вопросу о возрастѣ своихъ воспитанниковъ. Мы видимъ, что большинство учащихся этихъ школъ во всѣхъ сѣверныхъ странахъ составляетъ молодежь въ возрастѣ отъ 18 до 25 лѣтъ. Большинство школъ рѣшительно не принимаетъ къ себѣ болѣе молодыхъ. Нѣкоторые это допускаютъ, но въ массѣ господствующій возрастъ остается все тотъ же. Лица болѣе старшія попадаются, но тоже въ качествѣ исключенія. Здѣсь, кажется, сама жизнь доказала правильность точки зрѣнія Грундтвига.

Нельзя обойти молчаніемъ еще одно обстоятельство. Школы, основанныя Грундтвигомъ и его ближайшими послѣдователями, были обычно своего рода товарищескими общежитіями учениковъ. Современная датская школа продолжаетъ поддерживать это обыкновение. Большой пансіонъ при школѣ даетъ пріѣзжающей въ него съ большой округи молодежи полныя внѣшнія удобства жизни на весь сравнительно короткій учебный сезонъ. Благодаря тому, что эта школа имѣетъ характеръ «закрытой», достигается болѣе живое общеніе учащихся и учителей. Получается какъ бы своего рода тѣсная школьная семья, въ которой учителя играютъ роль только старшихъ товарищей. Закрытыя учебныя заведенія вообще представляютъ очень много недостатковъ тамъ, гдѣ они сопровождаются *долговременнымъ* и какъ бы *насильственнымъ* отрываніемъ

дтей отъ семейной среды. Но здѣсь, въ примѣненіи уже къ возмужалой молодежи и ограничиваясь сравнительно небольшимъ срокомъ (3—5 мѣсяцевъ), эти школы-пансіоны служатъ великую службу. Отрываніе на короткое время молодежи этого возраста отъ семьи имѣетъ очень большое положительное воспитательное значеніе. Оно приучаетъ молодежь къ извѣстной самостоятельности, даетъ ей возможность съ большимъ успѣхомъ достигнуть столь необходимаго ей въ это время самоопредѣленія, не говоря уже о томъ, что самое пребываніе въ теченіе нѣкотораго времени въ товарищеской средѣ въ большей мѣрѣ способствуетъ воспитанію общественныхъ элементовъ, нежели семейная обстановка. Есть въ этомъ вопросѣ и еще одна важная сторона. Молодежь отрывается на нѣкоторое время совершенно отъ своей обычной повседневной сѣрой обстановки, съ ея мелкими и скучными вопросами, и всецѣло погружается въ область другихъ интересовъ, въ кругъ идей и настроеній, не затемненныхъ никакими житейскими тревогами. Молодежь напитывается въ этой чистой атмосферѣ новымъ содержаніемъ, живетъ нѣкоторое время совершенно иной жизнью и возвращается обратно къ себѣ въ свои хутора и поселки, къ своимъ полямъ и коровамъ дѣйствительно «съ обоввленной душой». Наконецъ, этотъ интернатный характеръ датской высшей народной школы даетъ возможность достигнуть въ ней значительной интенсивности занятій. Вотъ, на примѣръ, распредѣленіе дня въ одной изъ такихъ школъ. «Учебный день начинается въ 8 ч. утра пѣніемъ народной пѣсни или псалма; послѣ этого директоръ школы читаетъ лекцію, избирая для нея темой то событіе изъ національной исторіи, то біографію какого-нибудь великаго историческаго дѣятеля, то событія изъ библейской исторіи. Отъ 9—10—чтеніе норвежскихъ или датскихъ писателей. 10½—11—письменные упражненія. 11—12—отечественная исторія. 12—2—перерывъ для обѣда и отдыха. 2—3—всемирная исторія. 3—4—датскій языкъ и грам-

матика. 4—5—отдыхъ. 5—6—географія и физика. 6—7—математика. 7—8—отдыхъ. 8—9—датская наука и литература».

Это распредѣленіе дня показываетъ намъ, какъ интенсивно идетъ работа въ этой школѣ. Вполнѣ естественно, что при этомъ достигаются очень значительные результаты въ сравнительно короткій учебный сезонъ.

Надо имѣть въ виду, что въ другихъ странахъ (Швеціи, Норвегіи, Финляндіи), заимствовавшихъ изъ Дании высшую народную школу, въ отношеніи виѣшней организаціи занятій произошли значительныя измѣненія. Такъ, тамъ сравнительно рѣдки пансіоны. Въ Финляндіи, напримѣръ, учащіеся, сѣзжающіеся на учебный сезонъ въ какую-нибудь школу, размѣщаются обыкновенно по сосѣднимъ деревнямъ. Въ большей степени сохранилось другое обыкновеніе, дѣленіе всего года на два сезона: зимній—для молодыхъ людей и лѣтній—для дѣвушекъ. Это дѣленіе произошло естественнымъ путемъ, потому что въ сѣверныхъ странахъ большая часть полевыхъ и иныхъ сельскохозяйственныхъ работъ лежитъ на мужскомъ населеніи, которое оказывается поэтому же сравнительно свободнымъ въ зимнее время. Съ другой стороны въ лѣтній періодъ, когда жизнь переносится изъ дома въ поле, всякаго рода домашнія работы, особенно всякое руководѣлье, сокращается, отсюда сравнительное освобожденіе времени у женской молодежи и возможность для нея два-три мѣсяца, обычно до начала особенно усиленныхъ полевыхъ работъ, провести въ высшей школѣ.

Надо замѣтить, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть отступленія и отъ этого дѣленія на два сезона. Такъ, напримѣръ, нѣкоторыя норвежскія школы функционируютъ круглый годъ, имѣя два общежитія, одно мужское и другое женское, при чемъ обученіе идетъ совмѣстное.

Нѣкоторыя школы, особенно датскія, имѣютъ больше двухъ учебныхъ сезоновъ. Въ промежутокъ между

лѣтнимъ и зимнимъ сезонами они устраиваютъ рядъ краткосрочныхъ курсовъ или того же общаго характера, какъ и большіе курсы, или какого-нибудь спеціальнаго характера. Въ послѣднее время эти краткосрочные курсы часто обслуживаютъ какіе-нибудь практическіе, прикладные запросы населенія.

Обратимся теперь къ вопросу о томъ, что дать своимъ питомцамъ въ теченіе основныхъ лѣтнихъ или зимнихъ курсовъ высшая народная школа. Остановимся для этого сперва на Даніи.

Прежде всего надо имѣть въ виду, что датскія высшія народныя школы дѣлятся на два основныхъ разряда, однѣ называются «обыкновенныя», другія—«съ расширенной программой».

«Обыкновенная» высшая народная школа обычно начинаетъ работу съ общаго освѣженія познаній, полученныхъ изъ начальной школы. Затѣмъ вниманіе сосредоточивается на родномъ языкѣ, родной поэзіи и родной исторіи въ связи съ исторіей всемірной. Большое вниманіе удѣляется географіи и этнографіи Даніи. Изучаются основы естественной науки, политической экономіи, практическаго законовѣдѣнія и агрономіи.

Школы «съ расширенной программой» обычно образуются путемъ естественнаго роста изъ школъ «обыкновенныхъ». Въ нихъ кромѣ предметовъ «обыкновенныхъ» школъ преподается цѣлый рядъ другихъ предметовъ, расширяющихъ и углубляющихъ образованіе ихъ слушателей. Такъ, мы видимъ въ этихъ школахъ исторію датскаго языка, исторію церкви, исторію датской и всемірной литературы, исторію культуры человѣчества, сѣверную археологію, древне исландскую поэзію, исландскій языкъ, англійскій языкъ, богословіе, соціологію, государственное, уголовное и гражданское право, физику, зоологію, анатомію, физиологію, гигиену, математику, химію, ботанику, агрономію, педагогику, счетоводство, бухгалтерію, черченіе, рисованіе и цѣлый рядъ другихъ предметовъ.

Такимъ образомъ, школы съ расширенной програм-

мой являются очень сложными по своему составу и отвѣчаютъ въ силу этого весьма разнообразнымъ запросамъ. Такъ, на примѣръ, школа въ Асковѣ, выросшая изъ одной изъ стариннѣйшихъ «обыкновенныхъ» школъ, является въ настоящее время почти университетомъ съ двухгодичнымъ курсомъ. Въ нее поступаютъ наиболѣе талантливые и ищущіе дальнѣйшаго образованія бывшіе слушатели «обыкновенныхъ» школъ. На школѣ въ Асковѣ съ особенной ясностью можно наблюдать ту эволюцію, которую пережила школа Грундтвига. Одной изъ основныхъ мыслей Грундтвига была та, что преподаваніе должно быть строго національнымъ. Иностранные языки не должны допускаться въ этой школѣ, потому что только родной языкъ есть живое воплощеніе внутренняго міра человѣка, а языки иностранные — только маски, за которыми скрывается истинное лицо. Теперь въ Асковской школѣ, какъ и въ другихъ школахъ съ расширенной программой, введено преподаваніе новыхъ языковъ, потому что сама жизнь поставила передъ руководителями школы эту новую задачу.

Еще и въ другомъ произошло частичное отступленіе отъ грундтвиговскихъ идей. Грундтвигъ клалъ въ основу всего преподаванія исторію, какъ предметъ, отличающійся наиболѣе цѣнными качествами въ отношеніи задачъ общаго образованія.

Теперь въ школахъ съ расширенной программой повсюду широко вводится преподаваніе естествознанія. Оно проникаетъ и въ школы «обыкновенныя». Это тоже уступка духу и требованіямъ времени. Но характерно то, что завѣтъ Грундтвига остается частью въ силѣ въ томъ отношеніи, что методъ преподаванія естественныхъ наукъ — историческій. Слушателямъ дается исторія развитія той или иной области естествознанія, сообщаются біографіи ученыхъ естествоиспытателей и значеніе ихъ трудовъ для науки. Датскіе педагоги убѣждены въ томъ, что этимъ путемъ можно легче заинтересовать слушателя и съ большимъ успѣхомъ пере-

дать ему наиболѣе цѣнныя данныя естественныхъ наукъ. Можетъ быть, конечно, это дань традиціи, и рано или поздно естествознаніе въ датской школѣ займетъ мѣсто совершенно равное съ науками гуманитарными. Но, если это и произойдетъ, то во всякомъ случаѣ не въ ущербъ гуманитарнымъ наукамъ вообще и исторіи въ частности. Идея Грундтвига о великомъ образовательномъ значеніи исторіи глубоко внѣдрилась въ умы скандинавскихъ педагоговъ и въ этомъ отношеніи съ ними нельзя не согласиться. Здѣсь стоитъ привести слова того же Гольберга, директора шведской школы въ Тэрна, о значеніи преподаванія исторіи въ высшей народной школѣ. «Исторія,—говоритъ Гольбергъ,—должна служить основаніемъ общественному пониманію и мышленію. Она должна открывать глаза молодежи и содѣйствовать усвоенію правильнаго взгляда на жизнь трудящагося народа, чтобы этимъ самымъ наши юноши могли проникнуться духомъ строгаго гражданства. Пусть наша молодежь трудящагося класса поближе познакомится со всѣми основами, на коихъ покоятся религія, общество, семья, трудъ, обычаи и родной очагъ. Мы рождаемся безъ всякаго представленія о нихъ и должны изучить ихъ во дни нашей юности. Какимъ же образомъ намъ удастся своевременно получить всѣ необходимыя знанія, если въ число предметовъ обученія нашей школы не войдутъ природа нашей страны, памятники нашей старины и историческое развитіе нашего народа, его поэты, пѣсни, церковь, общинное и государственное устройство? Наши консерваторы упорно твердятъ о бесполезности и непрактичности идейнаго образованія, въ особенности, когда оно предлагается трудящемуся сословію. Однако, они не подозрѣваютъ, что ихъ собственная духовная слѣпота содѣйствуетъ положенію широкаго пути для космополитизма, общественной распущенности и даже радикализма. Если даже для взрослой молодежи трудящагося класса мы станемъ упорно закупоривать всѣ самые лучшіе источники гуманитарнаго образованія,

то будемъ ли мы въ правѣ потомъ жаловаться на весь народъ за преступность и недостаточность у насъ общественнаго духа? Ужъ не думаютъ ли господа консерваторы, что все само собой устроится къ лучшему? Именно на трудящемся классѣ должна покоиться вся будущность нашей страны. Только правдивая исторія и свободное преподаваніе могутъ въ значительной степени подогрѣть любовь къ родинѣ и содѣйствовать желанію быть полезными ей. *Только осмысленное и справедливое отношеніе ко всему совершающемуся и достойная сознательная привязанность къ родинѣ способны въ трудныя минуты возбуждать въ народѣ добровольное желаніе пойти на крупныя жертвы.* Но прежде всего надо просвѣтить его, надо показать въ правдивомъ свѣтѣ все его прошлое и настоящее, надо подарить ему высокіе идеалы, достойные просвѣщеннаго народа. Высшая народная школа должна пробуждать въ народѣ чувство человѣчности и возбуждать въ немъ глубочайшее отвращеніе къ идеѣ насилія. Въ этомъ отношеніи изученіе исторіи имѣетъ также огромное значеніе».

Этотъ нѣсколько восторженный, но несомнѣнно дышавшій искренностью диѳирамбъ исторіи интересенъ самъ по себѣ. Интересны и неоспоримы тѣ доводы, которые приводятся здѣсь въ доказательство граждански-воспитательнаго значенія исторіи и слѣпоты тѣхъ руководителей народнаго просвѣщенія, которые боятся проникновенія гуманитарнаго образованія въ широкія народныя массы. Но эта хвалебная пѣснь исторіи въ устахъ директора шведской школы интересна еще и тѣмъ, что она доказываетъ лишній разъ дѣйствительно исторически-гуманитарный фундаментъ, на которомъ строится высшая народная школа скандинавскаго сѣвера.

Однако, вѣрная въ основѣ завѣтамъ Грундтвига, школа эта, какъ мы уже указывали, за послѣднее время переживаетъ очень значительный сдвигъ. Такъ, напри- мѣръ, въ Даніи «обыкновенныя» высшія народныя

школы стали часто соединяться со школами профессиональными, въ частности сельскохозяйственными. Обычно при этомъ соединеніи создается очень тѣсное сотрудничество обѣихъ школъ. На предметахъ широкаго общеобразовательнаго значенія сходятся вмѣстѣ все ученики, а затѣмъ, одни идутъ заниматься предметами узко-прикладнаго характера, — другіе продолжаютъ болѣе глубоко свое общее образованіе.

Наравнѣ съ этимъ появленіемъ, такъ сказать, утилитарнаго отдѣленія при высшей народной школѣ, мы видимъ въ Даніи и другое явленіе. Рядомъ съ высшими народными школами общеобразовательнаго характера стали появляться въ большомъ количествѣ школы сельскохозяйственныя, задачей которыхъ является практическая подготовка крестьянской молодежи къ занятіямъ сельскимъ хозяйствомъ. Здѣсь намъ можетъ на первый взглядъ показаться, что датская народная школа, такимъ образомъ, какъ бы порываетъ со своими прежними взглядами, и появленіе специальныхъ сельскохозяйственныхъ школъ какъ бы знаменуетъ крушеніе прежней системы. На самомъ дѣлѣ, это совершенно невѣрно. Во-первыхъ, довольно обычное явленіе, что въ эти сельскохозяйственныя школы поступаетъ молодежь, уже прошедшая курсъ высшей народной школы. То-есть здѣсь мы видимъ какъ разъ тотъ самый путь, который намѣчалъ Грундтвигъ и который является вполне правильнымъ: отъ образованія общаго къ образованію специальному. Но надо имѣть въ виду, что очень многіе слушатели идутъ теперь прямо въ сельскохозяйственную школу, соблазненные, конечно, практичностью ея задачъ. И вотъ здѣсь-то интересно отмѣтить тотъ фактъ, что въ Даніи даже специальная сельскохозяйственная школа продолжаетъ отдавать большое вниманіе элементамъ общаго образованія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на программу такой школы въ Одензѣ, главномъ городѣ острова Фіоніи. На зимнихъ пятимѣсячныхъ курсахъ тамъ проходятся слѣдующіе предметы: «1) датскій языкъ (цѣль

преподаванія научить учениковъ писать на родномъ языкѣ), 2) исторія культуры и біографіи замѣчательныхъ личностей, 3) ознакомленіе съ отечественной и отчасти иностранной литературой и чтеніе вслухъ, 4) основныя начала соціологіи (строеніе и жизнедѣятельность общества), 5) ариѳметика и геометрія въ примѣненіи къ сельскому хозяйству и земледѣлю, 6) физика (основанія ученія о теплотѣ и электричествѣ) и метеорологія, 7) ботаника (систематика и фізіологія растений), 8) основныя понятія о строеніи и функціяхъ человѣческаго организма, 9) почвовѣдѣніе (составныя части почвы и ея свойства) и меліорація почвъ, 10) земледѣліе (обработка почвы, посѣвъ и т. п.), 11) основныя понятія животноводства и ветеринаріи, 12) молочное хозяйство, 13) птицеводство, 14) пчеловодство, 15) садоводство и огородничество, 16) сельскохозяйственное счетоводство».

Уже одно перечисленіе предметовъ указываетъ, что наравнѣ съ предметами прикладными преподается цѣлый рядъ предметовъ общеобразовательныхъ. Заслуживаетъ, между прочимъ, вниманія введеніе такихъ предметовъ, какъ соціологія и исторія культуры. Еще болѣе интересно то, что при общемъ количествѣ 8-ми часовъ ежедневныхъ классовыхъ занятій, 4 часа (до обѣда) удѣляются предметамъ общеобразовательнымъ и 4 (послѣ обѣда)—прикладнымъ.

Эти факты очень любопытны въ томъ отношеніи, что они воочію даютъ намъ представленіе о томъ, такъ сказать, компромиссѣ, къ которому приходитъ датская школа для взрослыхъ. Здѣсь предметамъ прикладнымъ и образовательнымъ удѣляется равное время, такимъ образомъ, какъ бы признается ихъ равноцѣнность.

Характерно и важно также то обстоятельство, что высшія народныя школы и школы сельскохозяйственныя установили между собою тѣсную связь. Эта связь закрѣплена въ настоящее время Ассоціаціей между ними. Ассоціація основала при школѣ въ Асковѣ и при копенгагенскомъ университетѣ курсы для подго-

товки преподавателей для школъ обоихъ типовъ. Та же Ассоціація взяла на себя заботу о престарѣлыхъ учителяхъ тѣхъ и другихъ школъ. Такимъ образомъ, между школами обоого типа устанавливается тѣсное взаимодействіе въ общей работѣ. Да иначе и быть не можетъ. Онѣ идутъ къ одной и той же цѣли, но начинаютъ дѣло съ разныхъ сторонъ. Высшія народныя школы — общеобразовательныя въ своей основѣ — все больше и больше пополняютъ свой курсъ предметами прикладного характера. Сельскохозяйственныя спеціальныя школы дѣлаютъ общеобразовательные предметы однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ своего преподаванія. Такимъ образомъ, самой жизнью какъ бы вырабатывается извѣстный средній типъ съ равной долей общеобразовательныхъ и прикладныхъ предметовъ.

Обращаясь къ другимъ странамъ, мы найдемъ повсюду почти то же самое явленіе. Такъ, одна изъ крупныхъ шведскихъ школъ въ Тэрна имѣетъ въ своей программѣ рядомъ предметы общеобразовательные (литература, исторія, географія и т. п.) и предметы прикладные (черченіе, счетоводство, межеваніе и др.), — при чемъ предметамъ общеобразовательнымъ удѣлено значительно больше мѣста. То же самое видимъ мы и въ Финляндіи. Въ ея высшихъ народныхъ школахъ, организованныхъ по образцу датскихъ, мы видимъ преподаваніе предметовъ общеобразовательныхъ, въ числѣ коихъ, между прочимъ, есть исторія отечественная и всеобщая, литература шведская и финская и др. Но рядомъ стоятъ: бухгалтерія, астрономія, гигиена, ветеринарія, молочное хозяйство, ручной трудъ, кулинарное искусство (для женщинъ).

Любопытный фактъ можно отмѣтить относительно Англии. Во всякаго рода вечернихъ школахъ для взрослыхъ въ городахъ принципъ равновѣсія предметовъ общеобразовательныхъ и прикладныхъ проводится весьма послѣдовательно. Можно даже отмѣтить вполне определенное стремленіе составить расписаніе каждаго

дня съ чередованіемъ предметовъ изъ обѣихъ группъ. Но въ англійской сельской школѣ для взрослыхъ мы видимъ совершенно иное. Во-первыхъ, вообще этотъ типъ школъ въ Англии развитъ не очень сильно, и сельскія мѣстности являются въ этомъ отношеніи обездоленными. Но и программа сельскихъ курсовъ рѣзко разнится отъ городскихъ. Въ ней преобладаютъ, она даже почти цѣликомъ состоитъ изъ предметовъ прикладного характера: столярное и плотничное искусство, огородничество, садоводство, куроводство, кузнечное дѣло и т. п. И только въ небольшомъ размѣрѣ введены чтеніе, англійскій языкъ, ариѳметика, да и здѣсь съ уклономъ въ сторону практики. Это объясняется, вѣроятно, общей отсталостью англійской деревни по сравненію съ городомъ. Отсюда, можетъ быть, и меньшее вниманіе къ ея интересамъ, не такъ, какъ, напри- мѣръ, въ Даніи, гдѣ деревня—все. Да отсюда же, вѣроятно, неумѣнье, а можетъ быть, и невозможность для самой деревни устроить себѣ какое-нибудь иное болѣе глубокое и прочное образованіе.

Стоитъ отмѣтить, что Франція даетъ подтвержденіе нашему взгляду объ устанавливающемся типѣ сельской школы для взрослыхъ. Во Франціи этихъ школъ довольно много, онѣ раскиданы повсюду и ведутся обыкновенно мѣстными же учителями народныхъ школъ. Это не совсѣмъ такая организація, какъ въ Даніи, но она служитъ тѣмъ же цѣлямъ. Здѣсь мѣстное населеніе имѣетъ обыкновеніе собираться въ такую школу по вечерамъ часа на полтора, и любопытно, какъ распределяется при этомъ время. Полчаса удѣляется бесѣдѣ по исторіи или географіи, или объ обычномъ правѣ, о земледѣліи, о какомъ-нибудь животрепещущемъ вопросѣ дня, имѣющемъ общее значеніе. Затѣмъ полчаса идетъ на какія-нибудь практическія занятія: по ореографіи, по дѣловымъ письмамъ, чтеніе податного листа, счета, квитанцій и т. п. Наконецъ, послѣдніе полчаса отводятся на своего рода отдыхъ, устраивается чтеніе, или музыка, или пѣніе. Передъ нами налицо

опять то же самое соотношеніе предметовъ и занятій, которое является характернымъ вообще для современной школы для взрослыхъ.

Если большое значеніе въ высшей народной школѣ имѣеть выборъ предметовъ, ея, такъ сказать, программная сторона, то, пожалуй, не меньшій, если не большій интересъ представляетъ вопросъ о характерѣ организаціи занятій и о методахъ преподаванія. И въ этомъ отношеніи высшая народная школа скандинавскихъ странъ (Даніи, Швеціи, Финляндіи) представляетъ большой интересъ.

Во-первыхъ, общая, уже отмѣченная нами черта, это отсутствіе экзаменовъ и дипломовъ. Въ Швеціи еще при поступленіи въ высшую народную школу обычно спрашиваютъ удостовѣреніе объ окончаніи начальной. А въ Даніи и эта формальность отсутствуетъ. Затѣмъ, школа стремится какъ можно больше подойти къ своему ученику или слушателю. Основная мысль Кольда, одного изъ послѣдователей Грундтвига, что надо брать крестьянина такимъ, каковъ онъ есть, и постараться, исходя изъ его міросозерцанія, пробудить въ немъ живой духъ, эта мысль остается господствующей въ разсматриваемой нами школѣ. Пробудить духъ, вызвать аппетитъ къ знанію, указать пути его приобрѣтенія, расширить кругозоръ, возбудить самостоятельность—вотъ какъ смотритъ на свои задачи эта школа. Отсюда вытекаютъ и методы преподаванія.

Грундтвигъ особенно настаивалъ на устномъ преподаваніи. Учебника и даже вообще книги онъ въ своей школѣ не признавалъ. Горячая, воодушевленная рѣчь учителя, по мнѣнію Грундтвига, должна была быть особенно сильнымъ педагогическимъ средствомъ въ народной средѣ. Въ этомъ воззрѣніи Грундтвига сказалась въ значительной степени его пасторская дѣятельность. Но въ его мысли несомнѣнно лежитъ весьма цѣнное ядро, конечно, если отсюда устранить элементы крайности. Современная датская школа именно такъ и поступила. Она не изгоняетъ у себя учебникъ, а тѣмъ

болѣе книгу для чтенія, но придаетъ въ то же время очень большое значеніе элементу ораторскаго искусства въ преподавателѣ. Руководители этой школы продолжаютъ держаться той мысли, что для возбужденія истиннаго научнаго горѣнія, для воодушевленія слушателей къ работѣ, нѣкоторый элементъ проповѣди въ преподаваніи не мѣшаетъ. Да въ этомъ съ датскими педагогами долженъ согласиться всякій, кому приходилось работать съ настоящей народной аудиторіей.

Однако, проповѣдь можетъ зажечь, увлечь, толкнуть къ работѣ, но наравнѣ съ этимъ нужно укрѣпить самодѣятельность, нужно не только расшевелить умъ взрослога ученика, но и пустить его въ ходъ. И въ этомъ отношеніи датская школа также неустанно работаетъ надъ выработкой методовъ преподаванія. Если Грундтвигъ придавалъ особенно большое значеніе элементу ораторскому, то Кольдъ больше обращалъ вниманіе на бесѣду, на обмѣнъ мнѣній. Слѣдуя его примѣру, датскіе педагоги широко пользуются въ настоящее время этимъ методомъ для развитія самодѣятельности слушателей.

Отмѣчаютъ, между прочимъ, любопытный фактъ, что въ Даніи разныя школы предпочитаютъ различные методы. Такъ, называютъ двѣ школы. Одна во Фридериксбургѣ, которая главнымъ образомъ дѣйствуетъ эмоціями, поднимаетъ духъ, въ ней преподаватель— больше всего ораторъ, проповѣдникъ. Другая въ Роксфильдѣ, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ развитіе мысли, гдѣ большая часть преподаванія построена на бесѣдахъ и гдѣ преподаватель является скорѣе предсѣдателемъ кружка самообразованія, нежели чѣмъ-нибудь инымъ.

Но, разумѣется, большинство школъ широко пользуются обоими методами. При этомъ надо замѣтить, что бесѣдамъ въ настоящее время придается особенно большое значеніе. Во многихъ школахъ Даніи, Швеціи, Норвегіи и Финляндіи принято, напримѣръ, устраивать періодически (обыкновенно разъ въ недѣлю) большіе диспуты, въ которыхъ принимаетъ участіе вся школа,

а часто допускаются на нихъ и жители округа. Обычно на такихъ диспутахъ ставится на обсужденіе какой-нибудь вопросъ общаго, принципиальнаго характера, иногда связанный съ какими-нибудь злободневными интересами. Обычно къ этимъ диспутамъ слушатели готовятся заранее, на нихъ они научаются смѣло высказать свою мысль и умѣло защитить ее отъ нападокъ. Здѣсь развивается гибкость мысли и свобода рѣчи, необходимыя условія общественной жизни. Эти, такъ называемыя «свободныя обсужденія» играютъ въ жизни высшей народной школы очень крупную роль и сближаютъ съ жизнью, можетъ быть даже въ большей степени, чѣмъ въ Англии, курсы по ковкѣ лошадей или копанью канавъ.

Стремясь вообще подготовить слушателя къ общественной жизни, высшая народная школа удѣляетъ у себя вниманіе вопросамъ общиннаго управленія. При этомъ для приданія этому курсу большой конкретности въ Швеціи, напримѣръ, примѣняется методъ проведенія въ школѣ общиннаго управленія въ миниатюрѣ. Это отчасти служитъ тѣмъ же цѣлямъ, что и такъ называемое школьное самоуправленіе въ американскихъ школахъ для дѣтей. Этотъ приемъ даетъ возможность преподавателю воспитывать своихъ учениковъ, все равно маленькихъ или взрослыхъ, черезъ посредство ихъ же самихъ. Но въ школѣ для взрослыхъ это имѣетъ и непосредственный прикладной характеръ. Школа представляетъ собой общину, она устраиваетъ правильныя обсужденія своихъ внутреннихъ дѣлъ, выбираетъ должностныхъ лицъ, составляетъ смѣты, ведетъ отчетность и т. д. Все это дѣлается со строгимъ соблюденіемъ всѣхъ обычныхъ формальностей общинной жизни и даетъ такимъ образомъ молодому крестьянину возможность непосредственно подготовиться къ своей роли члена общины. Нечего уже говорить о томъ, насколько это вообще способствуетъ развитію общественнаго духа и общественныхъ навыковъ.

Все то, что мы сейчасъ привели для характеристики

методовъ преподаванія и воспитанія высшей народной школы, конечно, далеко не исчерпываетъ того, что въ этой школѣ дѣлается. Скандинавская высшая народная школа есть школа истиннаго педагогическаго творчества. Каждый годъ и, можетъ быть, каждый день даетъ тамъ новые интересныя и важныя наблюденія, изъ которыхъ вырастаютъ новыя программы и новые методы. Это педагогическое творчество возможно только благодаря одному условію—свободѣ педагога, которая открываетъ передъ нимъ широкіе пути исканій и достижений.

Благодаря этой свободѣ получается полная возможность каждую школу видоизмѣнять сообразно съ мѣстными условіями, что, конечно, является однимъ изъ важнѣйшихъ условій ея успѣха.

Та же свобода педагога обусловливаетъ въ значительной степени еще одну весьма характерную черту высшей народной школы, особенно въ Даніи. Я подразумеваю ту своеобразную жизнерадостность, которая, по словамъ всѣхъ наблюдателей, господствуетъ въ этой школѣ. Конечно, это настроеніе создается, главнымъ образомъ, отсутствіемъ какого бы то ни было принужденія. Но особенно большую роль играетъ здѣсь, между прочимъ, пѣніе и музыка, которымъ въ датской школѣ удѣляется много мѣста. Особенно культивируется пѣніе хоровое (на этомъ всегда настаивалъ Грундтвигъ), которое, поддерживая приподнятое, жизнерадостное настроеніе, способствуетъ въ то же время развитію и укрѣпленію все того же общественнаго начала. Стоитъ замѣтить, кстати, что Грундтвигъ, стоявшій за національную школу, придавалъ очень большое значеніе народной пѣснѣ, которая, съ его легкой руки, нашла себѣ самое широкое примѣненіе въ датской школѣ.

Вообще, по мнѣнію датскихъ педагоговъ, школа вообще, а школа для взрослыхъ крестьянъ въ особенности должна быть мѣстомъ радости и свѣта. Поэтому пѣніе, музыка, игры и развлечения изъ нея ни въ коемъ случаѣ не изгоняются. Любопытно, кстати сказать, что

мы наблюдаемъ то же самое и въ Англии. Въ англійскихъ вечернихъ школахъ для взрослыхъ широко практикуется соединеніе серьезныхъ занятій съ невинными развлеченіями. Практичные англичане понимаютъ прекрасно, что подобнаго рода соединеніе можетъ только способствовать успѣху чисто образовательной работы.

Надо замѣтить только, что этотъ пріемъ особенно благотворное дѣйствіе оказываетъ тамъ, гдѣ школа для взрослыхъ обслуживаетъ въ качествѣ постоянного учрежденія какую-нибудь опредѣленную мѣстность. Въ этомъ случаѣ школа является своего рода мѣстомъ отдыха, клубомъ для трудового люда, собирающагося сюда послѣ тяжелой дневной работы. Датская высшая народная школа нѣсколько иного типа. Собирая къ себѣ учащихся на сравнительно короткое время, эта школа, можетъ быть, и не нуждается въ средствахъ развлеченія каждый день (пѣніе и музыка въ датской школѣ не развлеченіе, а извѣстное педагогическое средство). Но тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаютъ въ этой школѣ періодическіе большіе праздники, которые устраиваются обыкновенно не для однихъ только учениковъ школы. На эти праздники съѣзжаются порою издалека и бывшіе ученики, часто со своими женами и дѣтьми. Въ этихъ праздникахъ, устраиваемыхъ обыкновенно въ весеннее или лѣтнее время, принимаютъ живѣйшее участіе и всѣ жители округа. Веселая, жизнерадостная молодежь на зеленыхъ лужайкахъ или въ ближнихъ рощицахъ празднуетъ свой праздникъ жизни, заражая все и всѣхъ вокругъ своею молодою радостью. Тѣ, кто наблюдали такіе праздники, въ одинъ голосъ говорятъ, что они имѣютъ огромнѣйшее моральное значеніе. Здѣсь уже значеніе школы вырастаетъ за предѣлы ея стѣнъ, школа вливается въ жизнь, жизнь поглощаетъ школу.

Вообще надо сказать, что повсюду, гдѣ есть и хорошо поставлены высшія народныя школы для взрослой молодежи, ихъ роль далеко не ограничивается одною работою внутри ихъ стѣнъ. Если яркими и по-

казательными моментами слияния школы с жизнью являются праздники, то незамѣтное и невидное это слияніе происходитъ непрерывно. Огромнѣйшую роль въ этомъ отношеніи играютъ тѣ большіе диспуты, о которыхъ мы уже говорили выше. Присутствующая на этихъ диспутахъ публика уноситъ съ нихъ цѣлый рядъ новыхъ идей, споры изъ стѣнъ школы выносятся на улицу, разбѣгаются по дорогамъ, загораются въ маленькихъ домикахъ крестьянъ. Нечего доказывать, какое огромное образовательно-воспитательное значеніе имѣетъ этотъ фактъ. Съ точки зрѣнія обще-исторической это фактъ, можетъ быть, величайшаго значенія, потому что здѣсь незамѣтнымъ путемъ заполняется пропасть между интеллигенціей и народомъ. Таковую именно задачу, между прочимъ, вполне опредѣленно ставятъ себѣ руководители шведской высшей народной школы.

Но если говорить о всѣхъ тѣхъ косвенныхъ вліяніяхъ, которыя оказываетъ разсматриваемая нами школа на народную жизнь, то здѣсь пришлось бы говорить безъ конца, потому что вліянія эти многообразны и неисчислимы. Остановимся поэтому на нѣкоторыхъ болѣе прямыхъ ея послѣдствіяхъ, а также посмотримъ, какъ относится къ этой школѣ общество и государство.

Значеніе высшей народной школы измѣряется прежде всего тѣмъ, что она даетъ крестьянской молодежи недостающее ей общее образованіе и ставитъ, такимъ образомъ, этотъ классъ населенія въ извѣстной степени въ уровень обще-европейской культуры. Въ самомъ дѣлѣ, въ одной только Даніи въ настоящее время этихъ школъ 85 на $2\frac{1}{2}$ милліона населенія. Вычислено, что за время съ 1844 по 1914 годъ черезъ эти школы прошло свыше 700.000 ч. Въ настоящее время каждый годъ эти школы оканчиваютъ около 8.000 чел.

Выпуская такое огромное (сообразно со своимъ населеніемъ) количество питомцевъ, датская высшая народная школа стоитъ, конечно, вполне на уровнѣ своихъ задачъ. Большое число окончившихъ эти школы, если

при нихъ нѣтъ сельскохозяйственныхъ отдѣленій, поступаютъ затѣмъ въ спеціальныя сельскохозяйственныя школы, и учителя этихъ послѣднихъ опредѣленно указываютъ на этихъ своихъ учениковъ, какъ на особо выдѣляющихся изъ всѣхъ остальныхъ своею развитостью и исключительною работоспособностью. Французскій наблюдатель (Gruppi), говоря о датскихъ высшихъ народныхъ школахъ, отвѣчаетъ, что изъ-за нихъ ведется въ датскомъ обществѣ довольно большой споръ. Для однихъ эти школы слишкомъ религіозны, для другихъ они слишкомъ либеральны. Но всё сходятся въ одномъ, «всѣ признають, что эти школы, черезъ которыя проходитъ 40% молодого сельскаго населенія, являются замѣчательнымъ орудіемъ умственного и моральнаго воспитанія сельскаго населенія и несутъ весьма важную національную службу».

Другой наблюдатель, русскій агрономъ Сазоновъ, говоритъ объ этихъ школахъ слѣдующее: «Высшія народныя школы играютъ огромную роль въ дѣлѣ умственного развитія датскихъ крестьянъ и подъемѣ сельскаго хозяйства Даніи. Это—народные университеты, въ то же время центры мѣстной общественной дѣятельности. Они развили въ датскомъ крестьянинѣ любовь къ знанію, вызвали потребность къ ученію, сдѣлали его болѣе отзывчивымъ къ сельскохозяйственнымъ улучшеніямъ, возбудили интересъ къ общественной дѣятельности и сыграли большую роль въ развитіи кооперативнаго движенія. Крестьяне, окончившіе эти школы, являются организаторами мѣстныхъ кооперативовъ и становятся лучшими проводниками сельскохозяйственныхъ улучшеній въ крестьянскомъ хозяйствѣ». «Я нахожу,—говоритъ далѣе г. Сазоновъ,—желательнымъ и возможнымъ учрежденіе подобныхъ школъ и у насъ, если не въ настоящее время, то въ болѣе или менѣе ближайшемъ будущемъ».

Эти восторженные отзывы отнюдь не являются преувеличеніемъ. Уже одинъ только сказочный ростъ датскаго сельскаго хозяйства является тому самымъ луч-

шимъ доказательствомъ. Нельзя при этомъ не указать еще на одинъ фактъ. Всѣмъ извѣстно, какъ экономенъ, расцетливъ и бережливъ крестьянинъ вообще, какъ дорожить онъ рабочими руками въ своемъ хозяйствѣ. И если этотъ крестьянинъ не задумывается тратить деньги на эти школы и, отпуская въ нихъ своихъ дѣтей, терять на время ученія ихъ молодыя рабочія силы, то ясно, что онъ прекрасно понимаетъ всю ту неисчислимую пользу, которую приносятъ эти школы его же собственному крестьянскому дѣлу.

Характерно вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, и то обстоятельство, что большинство школъ этого рода открывались повсюду всецѣло по инициативѣ мѣстнаго населенія и въ значительной степени на его средства. Рассказываютъ не мало трогательныхъ исторій, какъ крестьяне собирали по мелочамъ деньги, только чтобы открыть у себя давно желанную высшую народную школу. Въ Швеціи почти всѣ эти школы устраиваются на средства своего рода кооперативовъ, которые организуются со специальною цѣлью вести такую школу и члены которыхъ, принимая на себя на извѣстное количество лѣтъ обязательство дѣлать извѣстные взносы, обеспечиваютъ тѣмъ самымъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ существованіе школы. Въ настоящее время въ Швеціи государство стало оказывать широкую поддержку этимъ школамъ, выдавая имъ довольно значительныя ежегодныя субсидіи. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что, поддерживая эти школы субсидіями, государство рѣшительно устраняется отъ какого бы то ни было контроля надъ ними, вполне увѣренное, что одного только общественнаго контроля будетъ вполне достаточно для правильнаго веденія дѣла и устраненія злоупотребленій.

Въ Даніи государство, первоначально относившееся къ высшимъ народнымъ школамъ съ нѣкотораго рода недовѣріемъ, теперь также оказываетъ имъ самую широкую помощь. Оно даетъ имъ ссуды на постройку зданій, субсидіи на веденіе дѣла и учреждаетъ при

нихъ большое число стипендій для тѣхъ крестьянъ, которые не могутъ внести установленной платы.

Принципъ, при которомъ часть расходовъ берутъ на себя мѣстныя силы (община, кооперативъ и т. п.), а часть покрываетъ государство, становится, кажется, вообще господствующимъ повсюду на Западѣ по отношенію къ школамъ для взрослыхъ. Да это понятно и справедливо. Если мѣстное населеніе прилагаетъ усилія къ созданію у себя такой школы, то кому же, какъ не государству прійти въ этомъ случаѣ на помощь и поддержать начатое дѣло.

На Западѣ государство создало или сознаетъ понемногу величайшее національное значеніе высшихъ народныхъ школъ. Надо думать, что очень скоро будетъ это сознано и у насъ. Жизнь настойчиво выдвигаетъ передъ нами вопросы, заставляя вести усиленную работу, бороться рядомъ съ другими націями за свое положеніе въ мірѣ. А культурныхъ силъ для этой работы мало. Культурный слой до жуткости тонокъ. Невольно приходитъ все чаще и чаще въ голову тревожная мысль: что будетъ, если все останется такъ же, какъ было раньше. Углубленіе культурнаго слоя является насущнѣйшей задачей нашего завтрашняго дня, а рѣшить эту задачу можно только однимъ путемъ, неся культуру въ широкомъ смыслѣ этого слова въ глубины народныхъ массъ, въ частности, въ глубины русскаго крестьянства.

Вносить культуру въ эти слова можно различными путями. Для этой цѣли пригодны все средства такъ называемаго внѣшкольнаго образованія. Самое разнообразіе этихъ средствъ побуждаетъ къ возможно болѣе полному ихъ использованию, такъ какъ только такимъ путемъ можно удовлетворить тѣ многообразные запросы, которые возникаютъ и будутъ еще болѣе возникать въ широкихъ народныхъ массахъ. Это разнообразіе средствъ иногда ставитъ втупикъ культурныхъ работниковъ. Возникаетъ вопросъ, съ чего начинать? Въ концѣ-концовъ, совершенно безразлично, съ чего мы

начнемъ. Начнемъ ли мы съ отдѣльныхъ лекцій, съ вечерне-воскресной школы, съ театра, кинематографа или чего-нибудь еще иного—это неважно. Но, кажется намъ, что наибольшаго успѣха просвѣтительная работа можетъ ожидать въ томъ случаѣ, когда мы постараемся съ самаго начала ввести въ кругъ культурнаго воздѣйствія наиболѣе чуткую и отзывчивую часть крестьянской массы, т.-е. ея молодежь мужскую и женскую. Черезъ ея посредство будетъ гораздо легче и проще вести дальнѣйшую культурную работу.

Для того же, чтобы подойти именно къ этой части крестьянства, краткосрочные курсы, типа датской или вообще скандинавской высшей народной школы, являются, мы думаемъ, наиболѣе удобнымъ средствомъ. Мы не хотимъ сказать, что надо намъ скопировать этотъ образецъ, какъ, это, къ сожалѣнiю, силою вещей, весьма и весьма часто у насъ происходило. Нѣтъ. Мы просто должны взять самую идею этой школы.

Высшая народная школа должна быть непременно общеобразовательной, съ широкимъ развитiемъ гуманитарнаго отдѣла. Она должна быть общеобразовательной прежде всего потому, что при помощи такой школы человѣкъ готовится, въ сущности, къ любой специальности, и умѣнье, при случаѣ, ее смѣнить на другую, является въ настоящее время однимъ изъ важнѣйшихъ условiй устойчиваго положенiя человѣка въ жизни. Блестящiй примѣръ въ этомъ отношенiи даютъ намъ американцы.

Еще большее значенiе приобрѣтаетъ это общее образование для широкихъ народныхъ массъ, если мы примемъ во вниманiе особенности нашей современной хозяйственной и культурной жизни. Нельзя въ настоящее время человѣку замкнуться въ узкой сферѣ своей специальности. Онъ всегда при этомъ рискуетъ проглядѣть измѣненiя въ картинѣ мiра. Это самое, какъ кажется, произошло сейчасъ съ нѣмцами. Углубившись каждый въ свою специальность, они не замѣтили того, что мiръ нѣсколько иной, чѣмъ это думали они. От-

сюда это грандіозное столкновеніе, которое, по самой своей сущности, есть уже интеллектуальная катастрофа нѣмецкой культуры.

Высшая народная школа должна давать широту взгляда, пониманіе міровой конъюнктуры, она должна ставить человѣка лицомъ къ лицу со всѣмъ прошлымъ и настоящимъ человѣческой культуры, чтобы онъ возможно правильнѣе могъ опредѣлить свое положеніе во времени и пространствѣ. Если въ такомъ широкомъ масштабѣ эта задача и невыполнима для краткосрочныхъ крестьянскихъ курсовъ, то имѣть ее въ виду и итти по пути возможнаго къ ней приближенія является основной задачей этихъ курсовъ.

Но если высшая народная школа будетъ ставить своей задачей общее образованіе, выработку міросозерцанія, то она не можетъ и не должна игнорировать и другой стороны образованія. Она непременно должна включить въ свой составъ элементы прикладнаго образованія. Если эта школа не только откроетъ глаза на міръ, но и облегчитъ практически жизненный путь, то она, несомнѣнно, сослужитъ тѣмъ самымъ для своихъ питомцевъ двойную службу.

Нельзя игнорировать еще одного факта, который имѣетъ большое значеніе при практическомъ проведеніи этой школы въ жизнь. Я подразумѣваю отношеніе къ ней стариковъ, главарей крестьянскихъ семей. Если школа будетъ давать, помимо всего прочаго, что-то практически полезное, нужное, «крестьянское», то она, несомнѣнно, расположитъ въ свою пользу стариковъ. А это фактъ, съ которымъ нельзя не считаться.

Да, наконецъ, надо имѣть въ виду, что и сама взрослая молодежь не представляетъ собою чего-то однороднаго. Одни придутъ въ эту школу искать въ ней пищи для души, найти нѣкоторые пути для выработки міросозерцанія, а другіе для того, чтобы получить что-нибудь практически полезно, непосредственно въ жизни примѣнимое.

Чтобы удовлетворить всѣмъ разнообразнымъ запро-

самъ и быть гармонически построенной, высшая народная школа должна соединять въ себѣ элементы общеобразовательные и прикладные, но съ преобладаніемъ первыхъ надъ послѣдними.

Но главной основой своей работы эта школа должна имѣть возможно большую свободу, возможно меньшее количество закрѣпленныхъ рамокъ. Исторія датской высшей народной школы есть исторія педагогическаго творчества въ области образованія взрослыхъ. Изъ этой исторіи можно многому научиться, но и на основаніи ея не слѣдуетъ всего предрѣшать заранѣе. Въ такомъ дѣлѣ, какъ образованіе взрослыхъ, больше всего нужно прислушиваться къ біенію жизни. Изъ всѣхъ завѣтовъ Грундтвига, завѣтъ свободнаго педагогическаго творчества является наиболѣе здоровымъ и цѣннымъ. Именно благодаря этому завѣту, высшая народная школа въ Даніи стала такимъ могучимъ факторомъ развитія этой маленькой страны. Только при соблюденіи этого принципа можно создать настоящую высшую народную школу, которая была бы народной и по своей организациіи, и по матеріаламъ, и по общему духу, который въ ней царствуетъ. Надъ созданіемъ такой школы, которая была бы домомъ радости народной, нужно теперь же начать работу.

А. Петровъ.

О методах преподавания в высшей крестьянской школѣ.

Методы, какіе бы они ни были и къ чему они ни относились, никогда, конечно, не могутъ быть установлены заранѣе путемъ общихъ разсужденій и выкладокъ. Хорошо извѣстно, что всякіе методы отчетливо вырабатываются только въ ходѣ самой работы. Они являются только выводомъ изъ самой работы. Такъ какъ проектируемые курсы для крестьянской молодежи являются у насъ дѣломъ почти совершенно новымъ, то ясно, какъ будто, что ни о какихъ методахъ пока говорить нельзя.

Предлагаемый очеркъ и не ставитъ себѣ цѣлью эти методы установить и выработать какія-нибудь правила поведения преподавателя на курсахъ для крестьянской молодежи. Задачей нашей является только отмѣтить нѣкоторые факты изъ жизни курсовъ для взрослыхъ—факты, которые могли бы оказаться полезными и для преподавателя проектируемыхъ курсовъ. Если аудиторія городскихъ курсовъ для рабочихъ по своему составу не соотвѣтствуетъ предполагаемой крестьянской аудиторіи, если, съ другой стороны, лекціи и краткія бесѣды эпизодическаго характера въ крестьянской аудиторіи по своей краткосрочности не соотвѣтствуютъ также болѣе или менѣе продолжительнымъ курсамъ, то все-таки опытъ преподаванія и вообще общенія съ аудиторіей въ приведенныхъ выше условіяхъ можетъ, какъ намъ кажется, дать нѣчто полезное и для будущихъ курсовъ. Словомъ, нашей задачей является не столько указать методы, сколько намѣтить тѣ пути, по кото-

рымъ слѣдовало бы направляться при выработкѣ этихъ методовъ непременно въ самомъ ходѣ работы.

Первый вопросъ, который съ неизбежной настойчивостью встаетъ передъ вдумчивымъ преподавателемъ,—это вопросъ о томъ, кто передъ нимъ находится, съ кѣмъ ему надо налаживать общую работу; другими словами, вопросъ о составѣ и характерѣ аудиторіи.

Въ разныхъ условіяхъ этотъ вопросъ приходится преподавателю разрѣшать по разному. Возьмемъ для примѣра лектора, пріѣхавшаго куда-нибудь прочесть одну лекцію. Этотъ лекторъ-гастролеръ находится въ наименѣ выгодныхъ условіяхъ въ смыслѣ ознакомленія со своей аудиторіей. Представимъ себѣ—что обыкновенно и бываетъ съ такими лекторами—что организаторы лекціи не могли даже освѣдомить его заранѣе о составѣ аудиторіи или, если и освѣдомили, то весьма приблизительно. Обычно въ такихъ случаяхъ изъ весьма короткаго разговора съ организаторами передъ самой лекціей, лекторъ узнаетъ, что въ аудиторіи преобладаютъ, положимъ, рабочіе или крестьяне. Дальше этого освѣдомленіе идетъ рѣдко. И вотъ тогда лектору, если только онъ относится къ своему дѣлу съ сознаниемъ отвѣтственности, приходится уже на кафедрѣ, уже передъ самой аудиторіей, во время самой лекціи аудиторію изучать. Это звучитъ немного парадоксомъ: изучать аудиторію во время одной двухчасовой лекціи. Между тѣмъ въ большинствѣ случаевъ именно это происходитъ. Уже общій видъ аудиторіи, выраженія лицъ, поведеніе при появленіи лектора,—все это даже невольно такъ или иначе настраиваетъ чуткаго преподавателя. Аудиторія, такъ сказать, самымъ своимъ видомъ заставляетъ лектора къ ней приспособляться. Но ясно, что это инстинктивное приспособленіе является только зачаточной формой сближенія съ аудиторіей. Лекторъ, внимательный и опытный, сумѣетъ во время лекціи, можетъ быть, даже въ самомъ ея началѣ проинформировать рядъ опытовъ, рядъ пробъ, которыя дадутъ ему матеріалъ для уразумѣнія аудиторіи. Вѣдь, каждая

фраза лектора, особенно фраза яркая, выражающая или глубокую мысль, или широкое настроеніе, или тонкую иронию, или веселую шутку, каждая такая фраза, какъ въ зеркалѣ, отражается въ аудиторіи. Общее движеніе всей аудиторіи, переглядываніе или перешоптываніе нѣсколькихъ слушателей, улыбка, скользящая по лицамъ, первое схватываніе карандашей для занесенія на память сказаннаго (если аудиторія фактически можетъ это сдѣлать), — все это и многое другое является неизсякаемымъ источникомъ для ознакомленія съ аудиторіей. Словъ нѣтъ, довольно трудно одновременно излагать свои мысли, производить наблюденія надъ аудиторіей, дѣлать тутъ же выводы, и на основаніи этихъ выводовъ видоизмѣнять свое положеніе, можетъ быть, даже отчасти перестраивать весь планъ. Все это очень трудно, но невозможно. Опытные лектора обладаютъ этими способностями въ совершенствѣ. Они могутъ даже при такомъ мимолетномъ сближеніи съ аудиторіей, какъ двухчасовая лекція, достигнуть очень значительныхъ результатовъ и въ смыслѣ ознакомленія съ ней и въ смыслѣ приспособленія къ ея уровню и настроенію.

Въ этомъ нѣтъ и ничего особенно чрезвычайнаго, какой-нибудь исключительной геніальности. Рядъ наблюденій надъ многими аудиторіями за время чтенія многихъ лекцій даетъ такое количество матеріала и такое богатство общихъ чисто эмпирическихъ выводовъ, что описанная выше работа въ аудиторіи, опираясь на весь этотъ предшествующій матеріалъ, облегчается въ неизмѣримой степени.

Можно было бы, такимъ образомъ, сказать, что и этотъ лекторъ-гастролеръ передъ чтеніемъ своей лекціи продѣлалъ раньше большую предварительную работу ознакомленія съ аудиторіей на цѣломъ рядѣ своихъ предшествующихъ лекцій въ аудиторіяхъ, если и не сходныхъ съ этой послѣдней, то все-таки дающихъ возможность дѣлать рядъ сближеній и сопоставленій. Нечего, конечно, говорить о томъ, что подобнаго рода ознакомленіе не можетъ считаться вполне надежнымъ,

а описанная выше работа въ аудиторіи не гарантирована отъ крупныхъ ошибокъ. И въ этомъ-то и заключается своего рода проклятіе, тяготѣющее надъ работой мимолетнаго разъѣздного лектора.

Въ значительно лучшихъ условіяхъ находится тотъ же лекторъ, когда онъ читаетъ въ одной и той же аудиторіи нѣсколько разъ и имѣетъ, такимъ образомъ, дѣло приблизительно съ одними и тѣми же слушателями. Въ этомъ случаѣ уже впечатлѣнія на первой лекціи послужатъ матеріаломъ для дальнѣйшаго ознакомленія съ аудиторіей на послѣдующихъ лекціяхъ. Надо имѣть также въ виду и слѣдующее. Когда лекторъ мимолетный, прочитываетъ одну лекцію и уѣзжаетъ, то ему даже нѣтъ возможности продѣлать какую-нибудь предварительную работу ознакомленія, чтобы использовать ее только на одной лекціи. И въ этомъ отношеніи второй взятый нами случай, когда лекторъ выступаетъ передъ одной и той же аудиторіей съ цикломъ лекцій или періодически въ нее возвращается, представляетъ крупное преимущество. Здѣсь уже возможно и стоитъ произвести предварительный опросъ аудиторіи для опредѣленія ея соціальнаго состава. Возможно здѣсь также получить рядъ цѣнныхъ указаній, устраивая анкету о впечатлѣніяхъ отъ лекцій. Въ этомъ случаѣ возможно также устройство своего рода провѣрочныхъ бесѣдъ, которыя дадутъ возможность выяснить и интересы аудиторіи и степень ея воспримчивости.

Вообще надо сказать, что въ распоряженіи лектора и эпизодическаго и цикловаго имѣется не мало способовъ ознакомленія и сближенія съ аудиторіей. Вопросъ этотъ очень важенъ и интересенъ, но онъ, къ сожалѣнію, весьма мало изслѣдованъ. Если углубиться въ этотъ вопросъ, то найдется, вѣроятно, не мало новаго и полезнаго для разъѣздного лектора въ отношеніи методовъ его работы. Но какъ бы ни былъ интересенъ этотъ вопросъ, мы его сейчасъ оставляемъ въ сторонѣ, такъ какъ непосредственнаго интереса для нашихъ курсовъ онъ не представляетъ. Намъ важно было толь-

ко отмѣтить, что даже на одиночныхъ лекціяхъ, а тѣмъ болѣе на цикловыхъ, уже въ настоящее время, при всей неразработанности методовъ, есть возможность для лектора сдѣлать очень много въ смыслѣ ориентировки въ аудиторіи. Какія же богатая возможности въ этомъ отношеніи открываются для преподавателя на проектируемыхъ курсахъ, которыя при относительной краткосрочности все-таки даютъ широкій просторъ для предварительной работы по ознакомленію съ аудиторіей.

Останавливая теперь вниманіе всецѣло на 3—5-мѣсячныхъ курсахъ для крестьянъ и исходя изъ тѣхъ условій педагогической работы, которая на нихъ возможна, мы въ вопросѣ объ ознакомленіи съ аудиторіей считаемъ необходимымъ намѣтить два пути: первый—общее ознакомленіе съ аудиторіей или, какъ его иногда называютъ, методъ социологической, и второй—ознакомленіе съ отдѣльными слушателями или, какъ можно было бы его назвать,—методъ индивидуальный.

Первый методъ, имѣя своей основной задачей дать понятіе объ аудиторіи въ ея цѣломъ, требуетъ прежде всего ознакомленія съ той обстановкой, въ которой живутъ слушатели. Здѣсь въ высшей степени важно быть, конечно, знакомымъ съ мѣстной жизнью, съ особенностями и характерными чертами мѣстнаго хозяйства, мѣстныхъ правовыхъ условій, общественно-бытового уклада, идейныхъ направленій, художественныхъ вкусовъ. Все эти элементы, конечно, придаютъ извѣстный тонъ и окраску аудиторіи. Зная ихъ, можно ближе подойти къ аудиторіи, вообще проникнуться, такъ сказать, ея коллективной жизнью, ея духомъ, и тѣмъ самымъ получить въ свои руки и могучее орудіе воздѣйствія на эту аудиторію. Нечего уже говорить о томъ, какой богатый матеріалъ для чисто преподавательскихъ цѣлей можетъ дать подобное ознакомленіе съ мѣстной жизнью.

Такое общее знакомство со средой, изъ которой вышли и съ которой связаны слушатели курсовъ, даетъ, конечно, очень много для знакомства съ аудиторіей.

Но наравнѣ съ этимъ можно и нужно непосредственное ознакомленіе съ самой аудиторіей въ ея цѣломъ. Ознакомленіе это можетъ носить и носить обыкновенно характеръ небольшого статистическаго изслѣдованія, матеріаломъ для котораго служатъ опросные бланки, заполняемые самими слушателями при ихъ поступленіи на курсы.

Обычно здѣсь помѣщаются вопросы общестатистическаго характера: полъ, возрастъ, образованіе, профессія. Желательно было бы здѣсь же ставить вопросы и о семейномъ положеніи, о заработкѣ, о количествѣ рабочаго и свободнаго времени и т. п. Но эти вопросы, какъ болѣе интимные, неудобны въ тѣхъ опросныхъ бланкахъ, которые заполняются слушателями при поступленіи и снабжаются обычно подписью поступающаго. Поэтому болѣе удобнымъ является устройство анонимной анкеты съ болѣе распространеннымъ содержаніемъ. Въ нее тогда наравнѣ съ вопросами экономическими и социальными могли бы быть поставлены вопросы міросозерцанія, конечно, въ элементарной и удобопонятной формѣ. Напримѣръ, какія книги читалъ слушатель и какія ему особенно понравились и почему? Какія газеты онъ читаетъ? Доволенъ ли онъ своимъ общественнымъ положеніемъ и т. п.

Ясно, что вопросы эти должны видоизмѣняться въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и никакой общей программы такой анкеты предложить нельзя.

Въ томъ же направленіи возможно и болѣе глубокое ознакомленіе съ аудиторіей. Наравнѣ съ анкетами, гдѣ поневолѣ даются только весьма короткіе отвѣты на поставленные вопросы, очень хорошо предлагать аудиторіи сочиненія на темы, подобныя анкетнымъ вопросамъ. Напримѣръ, «Мой взглядъ на образованіе», «Къ чему я стремлюсь въ жизни» и т. п. Не все будетъ здѣсь точно и ясно. Можетъ быть, въ видѣ исключенія, не все будетъ и искренно. Но въ цѣломъ получится довольно полная картина. Надо только имѣть въ виду, что подобнаго рода сочиненія не слѣдуетъ дѣлать обя-

зательными, такъ какъ, затрагивая интимныя стороны личной жизни, они могутъ вызывать къ себѣ недоброжелательное отношеніе слушателей. На тѣхъ же условіяхъ, только для желающихъ, можно предлагать сочиненія на тему «Моя жизнь». Если объяснить слушателямъ значеніе такого сочиненія для преподавателя и гарантировать тайну сообщаемыхъ въ немъ свѣдѣній, то обычно очень значительная часть аудиторіи весьма охотно на это откликается. Такія сочиненія представляютъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ для пониманія аудиторіи и составляютъ въ рукахъ преподавателя своего рода педагогическій капиталъ. Обыкновенно слушателей поражаетъ то, что кто-то можетъ интересоваться ихъ прошлымъ, и проявленный въ этомъ отношеніи интересъ преподавателя служитъ лишнимъ связующимъ звеномъ между нимъ и слушателями. Особенно отзывчиво отвѣчаетъ на эту тему молодежь. Опытъ такихъ темъ на курсахъ для рабочихъ давалъ прекрасные результаты. Что касается крестьянскихъ курсовъ, то нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что тамъ это начинаніе потерпитъ неудачу.

Сочиненія на тему «Моя жизнь» представляютъ само по себѣ уже воспитательное средство. Часто бываетъ, что самъ человѣкъ именно за этимъ сочиненіемъ впервые отдаетъ себѣ отчетъ и въ своемъ прошломъ и въ своихъ стремленіяхъ и надеждахъ. Работа надъ такимъ сочиненіемъ порой открываетъ молодому человѣку или дѣвушкѣ изъ народа ихъ настоящее внутреннее я, скрытое подъ внѣшней оболочкой дѣлъ и навыковъ быстро текущаго потока жизни.

Надо замѣтить, однако, что такого рода сочиненія на указанныя нами темы уже выходятъ за предѣлы общаго ознакомленія съ аудиторіей и являются прекраснымъ переходомъ къ ознакомленію индивидуальному, потому что они и цѣнны главнымъ образомъ по стольку, поскольку съ нихъ вскрывается не общая фizioномія данной группы людей, а характерныя индивидуальныя черты каждаго изъ нихъ въ отдѣльности.

Прежде чѣмъ перейти въ разсмотрѣнію метода индивидуальнаго ознакомленія, надо сказать нѣсколько словъ въ его оправданіе, такъ какъ противъ него иногда выдвигаются очень рѣшительныя возраженія.

Первое возраженіе—характера принципиальнаго. Говорятъ: зачѣмъ знакомиться съ отдѣльными слушателями, когда преподаватель имѣетъ дѣло съ аудиторіей въ цѣломъ. Для него и важно только общее знакомство съ аудиторіей въ ея основныхъ чертахъ, а знаніе отдѣльныхъ слушателей является уже ненужной роскошью.

Второе возраженіе—практическаго характера, указывающее на то, что при системѣ массоваго преподаванія преподавателю фактически невозможно индивидуальное ознакомленіе со слушателями.

Что касается второго возраженія, то оно, можетъ быть, и имѣетъ значеніе по отношенію къ многочленнымъ лекціямъ, хотя бы даже не эпизодическимъ, а цикловымъ. Съ аудиторіей такихъ лекцій возможно, конечно, въ большинствѣ случаевъ ознакомленіе только характера общаго. Но тѣ курсы, которые мы имѣемъ въ виду, ни въ коемъ случаѣ не должны ити по пути массоваго обученія. Разумѣется не исключена возможность и на этихъ курсахъ устраивать большія лекціи, на которыя собираются многія, а можетъ быть даже и всѣ группы. Но обычная работа должна протекать въ сравнительно небольшихъ группахъ, во всякомъ случаѣ, не болѣе 100 человекъ. При этомъ условіи индивидуальное ознакомленіе со слушателями не можетъ оказаться чѣмъ-то совершенно невозможнымъ.

Что же касается возраженія, что такое индивидуальное ознакомленіе является ненужной роскошью, то отвѣтомъ на это служатъ всѣ наши соображенія о характерѣ и задачахъ проектируемыхъ курсовъ. Если основной задачей курсовъ является развитіе міросозерцанія, а основной методъ работы—развитіе самостоятельности, то ясно, что индивидуальное знакомство съ

каждымъ слушателемъ является непрѣмнымъ условіемъ успѣха всего дѣла.

Формы этого индивидуальнаго ознакомленія могутъ быть весьма разнообразны. Уже намѣченные нами сочиненія можно считать одной изъ самыхъ удобныхъ формъ такого ознакомленія. Исходя изъ этихъ сочиненій, можно затѣмъ вести отдѣльныя бесѣды съ каждымъ слушателемъ, углубляя поставленные въ его сочиненіи вопросы, выясняя отчетливо его внутреннее я, связывая его исканія съ общечеловѣческими идеалами, указывая пути, на которыхъ онъ можетъ найти отвѣты на волнующіе его вопросы. При этихъ бесѣдахъ особенно большое всегда впечатлѣніе производитъ на слушателя, если преподаватель входитъ въ детали его жизни, останавливается на выясненіи тѣхъ затрудненій, которыя встрѣчаются на пути ищущаго, затрудненій порою чисто практическаго характера. Добрый совѣтъ преподавателя о томъ, гдѣ достать книгу, какъ начать ее читать, на что обратить вниманіе, вопросъ преподавателя о томъ, не мѣшаетъ ли что-нибудь дома чтенію книгъ, и многое другое—все это располагаетъ слушателя къ откровенности, дѣлаетъ его особенно воспріимчивымъ къ вліянію преподавателя и создаетъ такимъ образомъ наиболѣе благоприятную обстановку для курсовой работы.

Такія индивидуальныя бесѣды приходится вести все время занятій, не только въ самомъ началѣ, потому что процессъ ознакомленія, сложный самъ по себѣ и требующій большого времени, является въ то же время и средствомъ устанавливать живую связь между слушателями и преподавателями, связь, которую надо все время подновлять и оживлять.

Трудно, конечно, ожидать, что на такихъ курсахъ всѣ преподаватели сумѣютъ и могутъ установить такія близкія отношенія со всеми слушателями. Опытъ показываетъ, что обычно слушатели группируются около отдѣльныхъ преподавателей, руководясь чувствами симпатіи и расположенія къ нимъ. Часто можно наблюдать, что тотъ или иной слушатель или слушатель-

ница курсовъ для рабочихъ посѣщаетъ охотно лекціи какого-нибудь преподавателя, но открывать ему душу не станетъ, въ интимную бесѣду съ нимъ не войдетъ. Этотъ фактъ ярко бросается въ глаза, но онъ очень мало изслѣдованъ. Надо только, повидимому, признать, что чувства расположенія къ преподавателю опредѣляются весьма различными условіями, и съ этимъ пока только приходится считаться.

Намъ кажется только, что естественную и обычную группировку курсистовъ по преподавателямъ надо использовать широко въ цѣляхъ большаго сближенія съ отдѣльными группами. Не бѣда, если при этомъ преподавателю не удастся познакомиться со всеми слушателями. Но для него безусловно важно общее знакомство со всей аудиторіей и близкое знакомство съ нѣкоторой частью ея. Конечно, чѣмъ больше эта часть—тѣмъ лучше. Идеаль тотъ, чтобы она равнялась всей аудиторіи. У нѣкоторыхъ преподавателей это и будетъ, у другихъ нѣтъ. Тогда приходится ограничиваться меньшимъ.

Итакъ, общее знакомство съ этой средой, изъ которой вышла данная аудиторія, общее знакомство со всей аудиторіей въ ея цѣломъ и индивидуальное знакомство хотя бы съ нѣкоторой частью аудиторіи—вотъ тѣ условія, которыя могутъ создать по истинѣ благотворную почву для оживленной, содержательной и плодотворной работы на курсахъ.

Переходя теперь къ вопросу о методахъ самаго преподаванія, остановимся прежде всего на методѣ лекціонномъ. Оставляя въ сторонѣ общій вопросъ о достоинствахъ и недостаткахъ этого метода, посмотримъ, какъ можетъ быть примѣненъ этотъ методъ на нашихъ курсахъ.

Предварительное и постоянное ознакомленіе съ аудиторіей, на которомъ мы очень настаиваемъ, даетъ въ руки преподавателя богатѣйшій матеріалъ, который онъ можетъ съ успѣхомъ использовать, примѣняя и лекціонный методъ. Благодаря этому ознакомленію преподаватель имѣетъ передъ собой живыхъ людей, на которыхъ онъ можетъ воздѣйствовать многообразными

путями. Всякій талантливый ораторъ умѣетъ использовать настроеніе своихъ слушателей, тѣ или иныя политическія страсти, социальное недовольство и т. п. Для того, чтобы достигнуть опредѣленнаго эффекта, произвести впечатлѣніе, такой ораторъ въ опредѣленный моментъ искуснымъ ораторскимъ приѣмомъ задѣваетъ извѣстныя струны и достигаетъ желаемаго результата. Но то, что можетъ сдѣлать ораторъ, ничто передъ тѣми возможностями, которыя доступны преподавателю на курсахъ. Если онъ хорошо знаетъ свою аудиторію и умѣетъ все время держать, такъ сказать, всѣхъ въ умѣ, то какое безконечное богатство вліяній находится у него въ рукахъ! Примѣры, сопоставленіе, освѣщеніе явленій, подчеркиваніе—все это будетъ онъ примѣнять, непрерывно сообразуясь съ безконечной, сложной сѣтью взглядовъ, убѣжденій и настроеній своей аудиторіи. Такихъ средствъ въ рукахъ оратора передъ тысячной толпой не можетъ быть. Если ораторъ и можетъ порой задѣвать ту или иную струну своей аудиторіи, то учитель на такихъ курсахъ во время своей лекціи можетъ играть, какъ на органѣ, на многосложной душѣ своей аудиторіи, слагающейся изъ многихъ хорошо ему извѣстныхъ душъ.

Если принять во вниманіе именно эти педагогическія возможности, то станетъ ясно, что лекціонный методъ на нашихъ курсахъ игнорировать нельзя. Увлечательный и цѣнный монологъ учителя открываетъ передъ слушателями далекія перспективы, даетъ стройность и систематичность потоку научныхъ и житейскихъ фактовъ. Хорошая лекція—это своего рода праздникъ души и для учителя и для его слушателей. Особенно въ этомъ смыслѣ характерны такъ называемыя вступительныя лекціи. Онѣ примѣняются и въ университетѣ и на всякаго рода курсахъ для взрослыхъ. Примѣняются онѣ и въ средней школѣ обычно въ видѣ рѣчей преподавателей на первыхъ урокахъ. Если припомнимъ, какое впечатлѣніе производили на насъ всегда такія лекціи или рѣчи, какъ глубоко западали онѣ въ

душу, то мы не станемъ отрицать полезности и законности ихъ примѣненія на курсахъ для крестьянъ. Стоитъ отмѣтить, что въ датской высшей народной школѣ такія вступительныя лекціи произносятся утромъ въ началѣ каждаго учебнаго дня. Датская школа здѣсь сумѣла использовать одно изъ самыхъ сильныхъ педагогическихъ средствъ, особенно большимъ успѣхомъ пользующееся главнымъ образомъ среди молодежи.

Что касается лекцій болѣе или менѣе регулярныхъ, связанныхъ воедино общей идеей и представляющихъ собою цѣлый курсъ, то и имъ на нашихъ курсахъ должно быть отведено значительное мѣсто, но съ непремѣннымъ условіемъ пополненія этихъ лекцій всякаго рода бесѣдами, о чемъ еще будетъ рѣчь впереди.

Что касается самаго построенія лекцій, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что хорошо бываетъ подчеркивать основную идею изложенія, отчетливѣе выяснить концепцію лекцій. Съ этой цѣлью въ народной аудиторіи является нелишней и умѣренная повторяемость, которая возвращаетъ мысль слушателя къ уже сказанному и такимъ образомъ ярче запечатлѣваетъ это въ его сознаніи. Возможно и даже необходимо и непосредственно обращать вниманіе аудиторіи на основную идею лекціи. Опытные преподаватели обычно въ этихъ случаяхъ въ началѣ лекціи набрасываютъ какъ бы ея общій планъ, связывая это иногда съ предшествующими лекціями, а въ концѣ резюмируютъ свое изложеніе. Вообще можно было бы рекомендовать преподавателю почаще подводить итоги своимъ и чужимъ мыслямъ въ аудиторіи. О цѣнности этого въ одинъ голосъ твердятъ анкеты въ народныхъ аудиторіяхъ.

Однако, одного лекціоннаго метода, какъ мы уже указали, на народныхъ курсахъ недостаточно. Уже въ университетѣ, а тѣмъ болѣе въ средней школѣ лекціонный методъ переживаетъ кризисъ. Развитие семинаріевъ въ университетѣ и классныхъ и внѣклассныхъ бесѣдъ въ школѣ—все это указываетъ на сознательное исканіе новыхъ методовъ. Увлеченіе лекціями схлынуло, но оно

начинаетъ, какъ будто, замѣняться другимъ увлеченіемъ—лекціи признаются вообще ненужными. Противъ этого взгляда мы уже высказались выше. Лекціи нужны и полезны, особенно, если онѣ тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ бесѣдами. На курсахъ для крестьянъ этотъ методъ сугубо важенъ. Сравнительная простота и живость, господствующія на бесѣдѣ, большая, по сравненію съ лекціей, приспособляемость къ требованіямъ и запросамъ аудиторіи, возможность останавливаться подробнѣе на болѣе сложныхъ вопросахъ, наконецъ, активность слушателей—все это, въ цѣломъ располагаетъ въ пользу бесѣды демократическую аудиторію.

Бесѣда съ точки зрѣнія педагогической—понятіе сложное. Можно намѣтить нѣсколько типовъ бесѣдъ.

Первый типъ—бесѣда повѣрочная. Она имѣетъ цѣлью возобновить въ памяти слушателей переработанный матеріалъ, провести нѣкоторыя основныя линіи. Такія бесѣды обычно ведутся преподавателемъ въ видѣ ряда вопросовъ, которые онъ предлагаетъ аудиторіи. При чемъ отвѣты изъ аудиторіи сейчасъ же подвергаются критикѣ преподавателя. Невѣрные отвергаются, а изъ вѣрныхъ постепенно дѣлаются общіе выводы. При такой формѣ бесѣды активность участниковъ ея весьма невелика, а наиболѣе активнымъ элементомъ является преподаватель.

Другой типъ бесѣды болѣе сложный. Онъ имѣетъ цѣлью двинуть слушателей по пути самостоятельной разработки вопросовъ хотя бы въ элементарной формѣ. Преподаватель заранее ставитъ рядъ вопросовъ, отвѣты на которые можно получить или изъ самостоятельного повторенія курса, или изъ отдѣльныхъ книгъ, статей и т. п. Вопросы въ этомъ случаѣ ставятся обычно несложные, чтобы въ разработкѣ ихъ могли принять участіе, по возможности, всѣ и чтобы отвѣты на нихъ можно было давать короткіе. Самой бесѣдѣ въ этомъ случаѣ предшествуетъ самостоятельная работа слушателей надъ вопросами. Бесѣда ведется преподавателемъ приблизительно такъ же, какъ и въ первомъ случаѣ,

но главное вниманіе обращается на различные отѣнки взглядовъ, неизбежныя при предварительной индивидуальной разработкѣ вопроса. Въ задачу преподавателя входитъ здѣсь, главнымъ образомъ, наладить коллективную работу. Сопоставляя противорѣчивыя мнѣнія и подчеркивая передъ аудиторіей ихъ противорѣчіе, преподаватель даетъ возможность всѣмъ составить по спорному вопросу свое собственное мнѣніе. На такихъ бесѣдахъ аудиторія приучается къ коллективной разработкѣ вопросовъ, приобретаетъ навыкъ къ выработкѣ общаго взгляда.

Третій типъ бесѣды—рефератъ и его разборъ. Здѣсь имѣется цѣлью предоставить одному или группѣ слушателей разработать какой-нибудь болѣе сложный вопросъ и результатъ своей работы представить коллективной критикѣ товарищей. Особенное значеніе эта форма имѣетъ въ томъ отношеніи, что она, во-первыхъ, приучаетъ къ смѣлому изложенію своего собственнаго взгляда, во-вторыхъ, развиваетъ критическое мышленіе. И референтъ и оппонентъ приучаются къ быстрой мыслительной ориентировкѣ. Эта форма предоставляетъ наибольшую степень активности аудиторіи.

Принимая во вниманіе разную степень активности въ намѣченныхъ нами типахъ бесѣдъ, мы могли бы сказать, что въ цѣляхъ большей успѣшности дѣла слѣдуетъ начинать бесѣды съ типа, требующаго наименьшей активности, и только постепенно подводить къ высшимъ формамъ бесѣды.

Но даже самая элементарная бесѣда, не говоря уже о болѣе сложныхъ, требуетъ опять-таки большой работы надъ аудиторіей, работы и предварительной и параллельной съ самимъ веденіемъ бесѣдъ. Часто можно было наблюдать на народныхъ курсахъ, какъ бесѣды, предпріятыя тѣмъ или инымъ преподавателемъ, или совершенно удавались или сначала шли хорошо, а потомъ терпѣли полный крахъ. Какія именно условія мѣшаютъ успѣху бесѣдъ, надъ этимъ вопросомъ стоило бы серьезно поработать. Для этого требуется предварительное собира-

ніе всякаго рода матеріала. Пока въ этомъ отношеніи нѣтъ почти ничего. Поэтому небезынтересно будетъ привести нѣкоторые характерные отвѣты одной анкеты, устроенной на научно-популярномъ отдѣленіи университета Шанявскаго, т.-е. въ аудиторіи народной, хотя и нѣсколько повышеннаго типа.

Анкета была произведена среди группы слушателей, въ теченіе двухъ—трехъ мѣсяцевъ уже участвовавшихъ въ систематическихъ бесѣдахъ по группѣ общественныхъ наукъ. Анкета ставила вопросы о бесѣдахъ: Полезны онѣ или нѣтъ, и если полезны, то почему? Говорите ли вы на бесѣдахъ, если не говорите, то почему? Если говорите, то что отъ этого получается? Какія измѣненія, по вашему мнѣнію, слѣдуетъ внести въ организацію бесѣдъ?

Надо замѣтить, бесѣды въ этой группѣ велись смѣшаннаго типа, но съ преобладаніемъ типа рефератовъ и ихъ разбора.

Наименьшій интересъ представляютъ отвѣты по вопросу о цѣнности метода бесѣдъ. Здѣсь мелькаютъ большею частью общія положенія, сводящіяся къ тому, что бесѣды даютъ возможность развить и закрѣпить то, что приобрѣтено на лекціяхъ, онѣ выясняютъ подробности, освѣщаютъ непонятное, углубляютъ вопросъ, даютъ возможность самимъ слушателямъ продѣлать самостоятельную работу и т. п. Судя по общему тону этихъ отвѣтовъ, для слушателей не возникаетъ даже вопроса о томъ, что бесѣды могутъ быть ненужны. Хотя надо замѣтить, что въ качествѣ одиночекъ встрѣчаются и противники бесѣдъ. Это—люди, явившіеся на курсы съ тѣмъ, чтобы какъ можно больше впитывать знаній. Имъ кажется, что бесѣды отрываютъ у нихъ драгоцѣнное время, которое можно было бы использовать для усвоенія знаній непосредственно изъ устъ лектора. Но представителей этого взгляда очень немного. Опытъ показываетъ, что и они впоследствии по большей части убѣждаются въ томъ, что однѣхъ лекцій все-таки недостаточно.

Возвращаясь къ анкетѣ, надо сказать, что особенно интереснымъ является вопросъ, почему не всѣ участвуютъ въ бесѣдѣ активно. На этотъ счетъ въ нашей анкетѣ мелькаетъ рядъ интересныхъ отвѣтовъ.

Жалуются, что «нѣтъ времени на подготовку», «обдумать некогда, а тѣмъ болѣе почитать». Это общее явленіе въ демократической аудиторіи, и борьба съ нимъ возможна уже въ другой области, въ области общаго улучшенія социальна-экономическихъ условий широкихъ народныхъ массъ.

Къ другому разряду относится такое заявленіе: «не говорю, потому что нѣтъ мысли, иногда она явится, но тотчасъ исчезаетъ». Ясно, что авторъ этого отвѣта страдаетъ не отсутствіемъ мысли, противъ чего, конечно, трудно бороться, а ея недисциплинированностью. Не подлежитъ сомнѣнію, что руководителю бесѣдъ и вообще всякому преподавателю на курсахъ для взрослыхъ надо на это обращать особое вниманіе и непосредственно работать надъ дисциплинированіемъ мышленія курсистовъ, рекомендуя имъ составленіе конспектовъ, отчетовъ о прослушанномъ, набросковъ собственныхъ выступленій и т. п., и указывая имъ, какъ за это браться и какими путями выполнять эту работу.

Отдѣльной группой стоятъ отвѣты такого характера: «говорить на бесѣдѣ не рѣшаюсь, думаю, не сумѣю—мало знаю», «не говорю, потому что не увѣренъ въ томъ, что могу ясно и связно сказать», «не говорю, потому что не имѣю силы воли заставить себя говорить», «я тушуюсь», «я смущаюсь».

Всѣ эти отвѣты, однородные по существу, подчеркиваютъ неувѣренность въ себѣ, въ своихъ силахъ. Такого рода явленія требуютъ особенно чуткаго къ себѣ отношенія со стороны учителя, на обязанности котораго является здѣсь подбодрить колеблющагося, въ частной бесѣдѣ дать толчокъ къ укрѣпленію его воли, можетъ быть даже непосредственно обращеннымъ къ нему въ аудиторіи вопросомъ пробить оболочку его смущенія и робости. Вопросъ о томъ, какія впечатлѣ-

нія получаютъ у участника бесѣды отъ активнаго въ ней участія, даетъ также рядъ любопытныхъ отвѣтовъ. Одинъ пишетъ, что отъ собственнаго участія въ бесѣдѣ онъ «кромѣ горечи» не получаетъ «ничего». «Послѣ кажется, что и не то, и не такъ бы нужно было молвить». Другой пишетъ: «Когда начинаю говорить, то думаю, что я знаю вѣрнѣе и правильнѣе всѣхъ, а когда выскажусь, то мнѣ кажется, что я ничего не сказалъ». Или «по большей части, сказавъ что-нибудь, я замѣчаю, что у меня вышло вовсе не то, что я хотѣлъ, или меня не такъ поняли, или, что вѣроятнѣе, я не сумѣлъ ясно выразить свою мысль».

Эти жалобы на неудовлетворенность активнымъ участіемъ въ бесѣдѣ встрѣчаются довольно часто. Онѣ объясняются въ значительной степени неумѣньемъ выражать свои мысли. Отсюда же и такія, напримѣръ, заявленія: «не говорю, потому что не имѣю слога». Думается, что въ задачу курсовъ для взрослыхъ должно входить и развитіе умѣнья говорить. Но и помимо этого преподаватель долженъ внимательно относиться къ ораторскимъ затрудненіямъ бесѣдующихъ. Одинъ изъ участниковъ анкеты опредѣленно говоритъ: «можно пожелать, чтобы лекторъ помогалъ говорящему выражать свои мысли, если тотъ затрудняется ихъ передать». Надо видѣть, какой благодарностью отвѣчаетъ этотъ словесный неудачникъ тому преподавателю, который сумѣетъ его поддержать въ трудную минуту, подскажетъ ему подходящее слово, удачно резюмируетъ неудачную рѣчь. Работа въ этомъ направленіи должна быть одной изъ первѣйшихъ задачъ преподавателя курсовъ.

Это возможно тѣмъ болѣе, что далеко не всѣ страдают такой неувѣренностью въ самихъ себѣ. Такъ, напримѣръ, одна изъ участницъ нашей анкеты, анализируя вопросъ о томъ, что даетъ активное участіе въ бесѣдѣ, указываетъ, на оформливаніе мысли, разъясненіе неяснаго, выясненіе противорѣчиваго, «а еще выступленіе даетъ смѣлость и, если можно такъ выра-

зиться, подъемъ духа». Въ этомъ отвѣтѣ передъ нами новая своеобразная черта, лишній разъ подчеркивающая, съ какимъ разнообразіемъ индивидуальныхъ настроеній приходится считаться преподавателю.

Среди этихъ настроеній попадаются, на первый взглядъ, совершенно неожиданныя. На вопросъ о желательныхъ перемѣнахъ въ организаціи бесѣды одинъ изъ участниковъ говоритъ: «если бы не было класса, партъ, если бы можно было бесѣдовать болѣе по домашнему».

Это весьма характерное пожеланіе. Кому въ самомъ дѣлѣ изъ преподавателей на народныхъ курсахъ не приходилось наблюдать, какъ часто одни и тѣ же люди, сидя въ аудиторіи, слова не пророняютъ, а войдя въ коридоръ во время перемѣны, начинаютъ оживленно, интересно и дѣльно говорить? Кому не приходилось слышать этихъ жестокихъ кулуарныхъ споровъ послѣ какой-нибудь лекціи или бесѣды? Повидимому, психологія курсистовъ требуетъ большей простоты, большей интимности, при наличности которыхъ возможна и большая успѣшность всего дѣла веденія бесѣды. Если подумать надъ этимъ вопросомъ, то, навѣрное, придется кое-что измѣнить во внѣшней обстановкѣ бесѣды. Вопросъ, который кажется на первый взглядъ весьма несущественнымъ, можетъ, однако, оказывать глубокое вліяніе на все дѣло.

Но если важно измѣнить внѣшнюю обстановку, замѣнить можетъ-быть парты стульями, стоящими безъ опредѣленнаго порядка и всю классную обстановку какой-то иной, то тѣмъ важнѣе позаботиться, такъ сказать, о внутренней обстановкѣ. Среди пожеланій объ улучшеніи бесѣды встрѣчается, между прочимъ, такое: «желательно общее объединеніе». Это пожеланіе станетъ понятнымъ, если привести другой отвѣтъ о причинахъ молчанія на бесѣдѣ: «не говорю, такъ какъ не освоилась съ окружающими».

Въ самомъ дѣлѣ, одно изъ важнѣйшихъ условий успѣха всякой работы преподавателя—это болѣе или

менѣе благоприятное настроеніе каждаго слушателя по отношенію ко всѣмъ остальнымъ. Если при чисто лекціонномъ методѣ и возможенъ хотя и не желателенъ взглядъ на каждаго курсиста, какъ на отдѣльнаго собесѣдителя курсовъ, то при методѣ бесѣды этотъ взглядъ является совершенно неприемлемымъ.

Для успѣха преподавательской работы во всѣхъ ея видахъ необходимо, чтобы аудиторія представляла собой что-то единое, организованное. Мы сказали бы, что въ задачу каждаго преподавателя должна входить между прочимъ и организація аудиторіи, для чего необходимымъ средствомъ будетъ хорошее ознакомленіе съ аудиторіей—и индивидуальное и общее. На основѣ этого ознакомленія, въ постоянномъ живомъ общеніи съ аудиторіей въ ея цѣломъ и съ отдѣльными составными ея единицами, преподаватель долженъ вести широкую и сложную работу. Для успѣха бесѣды важно разбить молчаніе аудиторіи. Средствомъ для этого будетъ поговорить съ однимъ, съ другимъ, одного подбодрить, другому дать непосредственное указаніе, что и какъ сказать, найти запѣвалъ, которые возьмутъ на себя тяжелую обязанность начать бесѣду, организовать групповыя выступленія по тѣмъ или инымъ вопросамъ и т. д. безъ конца. Если трудно на бесѣдахъ побѣдить молчаливость нѣкоторой части аудиторіи, то съ другой стороны бываетъ еще труднѣе порой отъ чрезмѣрной болтливости отдѣльныхъ участниковъ бесѣды. Во время бесѣды на такихъ курсахъ часто приходится наблюдать, какъ въ аудиторіи 50—100 человекъ фактически участвуютъ въ бесѣдѣ 5—6 человекъ. Они—или болѣе смѣлые, или болѣе опытные, иногда менѣе чуткіе занимаютъ своей говорливостью все время и часто тѣмъ самымъ разрушаютъ самую идею бесѣды. На обязанности преподавателя лежитъ въ такомъ случаѣ не давать слишкомъ много времени этимъ говорунамъ и использовать ихъ съ наибольшей продуктивностью въ общемъ дѣлѣ, выдвигая, на примѣръ, ихъ въ тѣ моменты, когда активность аудиторіи почему-либо падаетъ.

Большимъ зломъ бесѣдъ является также склонность къ обостренію споровъ. Самые наши термины «пренія» и «полемика» указываютъ на борьбу, на состязаніе, на войну мыслей и словъ. Намъ казалось бы, что именно полемики и преній въ этомъ смыслѣ преподавателю не слѣдовало бы допускать на бесѣдахъ. Можетъ быть, въ рѣдкихъ случаяхъ, для подъема настроенія, для большей отчетливости разногласія во мнѣніяхъ иногда и можно допустить нѣкоторый уклонъ въ эту сторону. Но большая часть работы должна строиться на началахъ трудовой духовной общины. Не духовную конкуренцію, а духовное сотрудничество надо возможно шире культивировать на этихъ бесѣдахъ.

Все эти и многія другія задачи возможно рѣшить только тогда, если преподаватель обратитъ самое серьезное вниманіе на использование всѣхъ тѣхъ возможностей, которыя представляетъ аудиторія, какъ коллективъ. Разнообразныя группы, съ разными стремленіями и взглядами, съ различной психологіей, или, наоборотъ, одно господствующее настроеніе и одинъ господствующій наклонъ мыслей—все это въ рукахъ у опытнаго преподавателя можетъ быть широко использовано для цѣлей преподаванія и воспитанія. Вопросъ объ организаціи аудиторіи, какъ соціального цѣлаго, вопросъ въ высшей степени сложный. Но его пора поставить. Эта постановка вопроса могла бы оказаться полезной и въ обычной средней школѣ, но на курсахъ для взрослыхъ она является существенно необходимой. Какъ бы ни была сложна и трудна работа въ этомъ направленіи, ее надо произвести, такъ какъ эти усилія и труды сторицею окупятся успѣшностью преподавательской работы.

Итакъ, ознакомленіе съ аудиторіей съ одной стороны и организація аудиторіи—съ другой—вотъ тѣ задачи, безъ правильнаго рѣшенія которыхъ невозможна на курсахъ плодотворная преподавательская работа, будетъ ли она выражаться въ формѣ лекцій, бесѣдъ,

экскурсій, лабораторныхъ работъ или еще многихъ другихъ возможныхъ приемовъ.

Но все то, о чемъ мы до сихъ поръ говорили, является выясненіемъ одной стороны преподавательскихъ методовъ, той стороны, которая соприкасается съ аудиторіей, съ приемами передачи ей тѣхъ или иныхъ образовательныхъ и воспитательныхъ цѣнностей. Но вѣдь тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ этимъ и вопросъ о томъ, что же именно передавать. Обычно у насъ отдѣляютъ программу отъ методовъ, какъ будто это двѣ различныя области. На самомъ дѣлѣ всякая программа есть методъ. И если мы здѣсь говоримъ о методахъ преподавательской работы на курсахъ, то вполне умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какихъ методовъ слѣдовало бы придерживаться при выработкѣ программъ и подборѣ матеріала для крестьянскихъ курсовъ.

Когда у насъ въ настоящее время устраиваются какіе-нибудь курсы, какая-нибудь школа для взрослыхъ, то обычно при разработкѣ программъ руководятся тѣми давно знакомыми и привычными рамками, которыя налажены средней школой, укрѣплены отчасти высшей и непрерывнымъ своимъ повтореніемъ въ жизни создаютъ вокругъ себя ореолъ неприкосновенности. Устроители курсовъ начинаютъ высчитывать, сколько часовъ можно отвести на русскій языкъ, на математику, физику, исторію, географію и т. д. Затѣмъ каждый преподаватель въ отдѣльности считаетъ своей обязанностью дать непременно «всю физику» или «всю исторію» и если не даетъ «всей», то считаетъ себя глубоко несчастнымъ съ педагогической точки зрѣнія.

Трафареты удобны, они освобождаютъ отъ самостоятельной сложной работы, а потому-то за нихъ съ охотой хватаются всѣ. Съ другой стороны, страшно отъ нихъ уклониться. Вдругъ какая-нибудь педагогическая княгиня Марья Алексѣевна возопитъ съ ужасомъ: «А гдѣ же у васъ средняя исторія? Какъ же можно безъ нея?» Или, не найдя въ программѣ названія «геогра-

фія», рѣшить, что программа никуда не годится, хотя бы всѣ основы географическаго познанія у насъ были даны въ программахъ полностью, только подъ другими рубриками.

Удобство трафаретовъ, съ одной стороны, и освященность ихъ традиціей съ другой—ведутъ къ жестокой рутинѣ преподавательскаго дѣла, рутинѣ особенно опасной въ сложномъ и новомъ дѣлѣ образованія взрослыхъ. Думается поэтому, что преподаватель будущихъ крестьянскихъ курсовъ долженъ прежде всего освободиться отъ всѣхъ этихъ трафаретовъ, отъ всѣхъ этихъ съ дѣтства заученныхъ рубрикъ и примелькавшихся рамокъ. Онъ долженъ отрѣшиться отъ всего этого и строить міръ своего педагогическаго дѣла по-своему, по-новому.

Курсы, о которыхъ мы говоримъ, должны дать зачатки общаго міросозерцанія и указать пути къ его дальнѣйшему развитію—во-первыхъ, они должны дать приемы и навыки къ примѣненію этого міросозерцанія къ практической жизни—во-вторыхъ. Важно, чтобы міросозерцаніе не было витаніемъ въ заоблачныхъ высотахъ, а давало бы прочный фундаментъ для полной и красивой жизни. Важно, чтобы наша практическая жизнь не стояла особнякомъ отъ нашихъ научныхъ и всякихъ иныхъ точекъ зрѣнія, а чтобы она цѣликомъ вытекала изъ нихъ, чтобы она на нихъ строилась. Поэтому курсы для крестьянъ, какъ и всякіе курсы для взрослыхъ, не получившихъ цѣльнаго образованія, и даже, вѣрнѣе, какъ и возможная въ будущемъ всякая нормальная средняя школа, должны ставить своей цѣлью подвести къ умѣнью понимать и творить жизнь. Это основная задача, и для ея достиженія вовсе не требуется непременно давать въ послѣдующемъ порядкѣ всѣ пункты программъ нашихъ среднихъ или высшихъ учебныхъ заведеній. Пути для проведенія въ жизнь этихъ началъ безчисленны. Каждый курсъ и даже каждый преподаватель могутъ и должны выработать свои программы и свои методы, исходя

изъ мѣстныхъ условій, психологій аудиторіи, своего внутренняго я, наконецъ, вѣдній простаго здраваго смысла.

Возможно разнообразіе приѣмовъ и плодотворность новыхъ методовъ прекрасно иллюстрируется однимъ случаемъ, рассказаннымъ въ статьѣ Гогунцовой-Лягардель: «Вечерніе курсы для взрослыхъ во Франціи» (сб. Общее дѣло, вып. IV). Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести этотъ рассказъ цѣликомъ. «Молодой, пылкій сельскій учитель во Франціи, стремясь поставить возможно лучше свою школу для взрослыхъ, смѣло пошелъ по пути исканія новыхъ методовъ. Такъ, напримѣръ, у него «исторія свелась къ исторіи села». Ему посчастливилось найти нѣкоторые документы въ архивахъ сельской мэрии. На основаніи этихъ бумагъ онъ составилъ исторію сель. Документы были подписаны фамиліями, изъ которыхъ многія хорошо извѣстны ученикамъ, такъ какъ потомки подписавшихъ живутъ и сейчасъ на тѣхъ же мѣстахъ. Исторія получила чуть ли не современный характеръ. Успѣхъ ея былъ невѣроятный. Все село пустилось въ историческія изслѣдованія. Многихъ старыхъ именъ не досчитались. Учитель воспользовался случаемъ и прочелъ лекцію объ эмиграціи, о притягательной силѣ городовъ, о выморочныхъ имѣніяхъ и о законодательствѣ, касающемся ихъ. Когда вопросъ о селѣ былъ исчерпанъ, перешли къ округу, къ городу. Ближайшій городъ оказался историческимъ городомъ. Тема разрослась до того, что мой учитель съ большой радостью заявилъ мнѣ, что у него не школа, а историческій факультетъ. Онъ уже нѣсколько разъ предпринималъ экскурсіи съ учениками, чтобы на мѣстѣ изучать историческіе памятники. «Итакъ,—заклучилъ учитель,—я и буду постепенно итти отъ частнаго къ общему, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному: по дорогѣ я буду говорить обо всемъ, что только можно связать съ исторіей. А съ исторіей,—прибавилъ онъ убѣжденно,—можно связать все, исторія,—это сама жизнь». «Нечего и говорить,—прибавля-

еть авторъ,—что школа этого учителя биткомъ набита учениками».

Это блестящій, живой примѣръ педагогической самостоятельности. Этотъ учитель не далъ своимъ ученикамъ ни древней, ни средней, ни новой исторіи, но я убѣжденъ, что съ его уроковъ и бесѣдъ его взрослые ученики ушли съ настоящимъ историческимъ мышленіемъ. А что же иное, кромѣ этого, требуется отъ всякаго преподавателя исторіи. Древняя, средняя и всякая иная исторія представляетъ для всякаго человѣка неизсякаемый интересъ, но онъ будетъ потомъ удовлетворять этотъ интересъ чтеніемъ книгъ, самостоятельной работой надъ отдѣльными вопросами. Школа же нашего учителя дала его ученикамъ все, что требуется, она научила ихъ понимать исторію, подходить къ историческимъ фактамъ съ научнымъ мышленіемъ.

Но въ педагогическомъ экспериментѣ французскаго учителя есть и другая сторона. Исторія у него выросла далеко за предѣлы ея обычныхъ рамокъ. Съ исторіей онъ связывалъ и право, и экономику, и политическую географію. Онъ могъ бы съ такимъ же успѣхомъ связать съ ней и естественныя науки. Восторженный его возгласъ: «исторія—это сама жизнь» вполне справедливъ. Онъ справедливъ такъ же, какъ былъ бы справедливъ въ устахъ другого учителя возгласъ: «біологія—это сама жизнь». Въ устахъ третьяго—географія или литература или что угодно другое. Вся суть именно въ цѣльности натуры преподавателя, въ его широкомъ развитіи, въ его умѣннн заинтересовать учениковъ, въ его смѣломъ освобожденіи отъ окаменѣлыхъ формъ работы.

Преподаваніе на курсахъ для взрослыхъ вообще и для крестьянъ въ частности должно строиться на принципѣ возможной близости къ жизни и въ то же время должно быть пронизано общимъ научнымъ духомъ, цѣльнымъ научнымъ и общественнымъ міросозерцаніемъ.

Выработка программъ курсовъ, построенныхъ на этихъ принципахъ, дѣло болѣе чѣмъ сложное. Это дѣло медленное. Программы эти могутъ вырабатываться только въ ходѣ самой работы, только на мѣстахъ, только тѣми людьми, которые будутъ проводить ихъ въ жизнь. Но при выработкѣ этихъ программъ первымъ условіемъ является раскрѣпощеніе преподавателя: внѣшнее отъ всякихъ принудительныхъ программъ и внутреннее отъ самого себя, отъ закрѣпшихъ рубрикъ и трафаретовъ. Только при свободной группировкѣ образовательнаго матеріала возможна живая преподавательская работа.

Но для достиженія этого нужно еще одно условіе. Нужна большая и отвѣтственная работа самого учителя. Для предлагаемаго нами свободного построенія программъ требуется особый типъ учителя, обладающаго, сказали бы мы, универсальными знаніями. Народная аудиторія, такъ же, какъ и дѣти, очень цѣнитъ такой универсализмъ. На недостигаемой высотѣ стоитъ передъ ними тотъ человѣкъ, который можетъ отвѣтить на все вопросы. Здоровый инстинктъ, можетъ быть, подсказываетъ имъ, что въ концѣ-концовъ только такой человѣкъ и есть цѣльный человѣкъ.

Здѣсь, можетъ быть, придется также порвать съ прошлымъ. Безконечная дифференціація знанія должна пріостановиться или, вѣрнѣе, она должна найти дополненіе въ развитіи общаго научнаго универсальнаго знанія у тѣхъ людей, которые посвящаютъ себя работѣ въ народной аудиторіи...

Если мы представимъ себѣ, что предлагаемые нами курсы разрастутся и размножатся и превратятся постепенно въ густую сѣть высшихъ крестьянскихъ школъ, то ясно, какая огромная армія учителей понадобится для этихъ новыхъ школъ. Сообразно съ нашими взглядами на постановку преподавательской работы на этихъ курсахъ, обычные учителя средней школы сюда не подойдутъ. Мы сказали бы, что для проектируемыхъ нами курсовъ или, позднѣе, высшихъ

крестьянскихъ школъ требуется выработать, такъ сказать, повышенный типъ учителя сельской или городской школы. Тотъ же универсализмъ, но построенный на болѣе глубокомъ и болѣе широкомъ фундаментѣ. Понадобятся, конечно, и специальные институты для подготовки такихъ учителей.

Но изъ этого не слѣдуетъ, что сейчасъ за это дѣло некому взяться. Всякій живой интеллигентный человѣкъ, получившій хотя бы и одностороннее специальное образованіе, сравнительно легко можетъ подготовить себя къ намѣченной нами работѣ путемъ планомерно проведеннаго курса самообразованія. И среди современныхъ учителей средней школы найдется не мало живыхъ людей, которые, усвоивъ эти новые и живые лозунги, могли бы быстро создать первые ряды грядущей арміи свѣта.

Незачѣмъ намъ отговариваться тѣмъ, что сначала надо дать народу всеобщее начальное образованіе и только тогда приступать къ народному образованію повышеннаго типа. Оба процесса должны идти рядомъ. Исторія заставляетъ слишкомъ быстро подвигаться впередъ и къ тому требованію приходится приспособляться. Намъ кажется, что предполагаемые нами курсы для крестьянъ могли бы послужить первымъ камнемъ будущаго зданія настоящаго народнаго просвѣщенія.

То, что высказали мы здѣсь о методахъ преподаванія на курсахъ для крестьянъ, есть, конечно, только наброски, только намеки на то, что надо дѣлать, куда можно было бы идти. Но суть всего, сказаннаго здѣсь, сводится къ тому, что въ проектируемыхъ нами курсахъ, какъ и во всякой нормальной школѣ, основными условіями нормальной работы является: *знаніе* преподавателемъ своихъ *учениковъ*, *организация* образовательнаго *коллектива* (класса, аудиторіи) и свободная *творческая* работа учителя.

А. Петровъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
А. Евдокимовъ. На пути къ высшей крестьянской школѣ	3
А. Петровъ. Высшая крестьянская школа на Западѣ	27
А. Петровъ. О методахъ преподаванія въ высшей крестьян- ской школѣ.	61

Изданія книгоиздательства „ТРУДЪ“

МОСКВА, Большая Якиманка, д. № 32. Телеф. 1-06-87.

Серія „Культура для всѣхъ“.

- № 1. А. ЕВДОКИМОВЪ. Обновленіе культуры. Изд. 3-е. Ц. 20 к.
№ 2. А. ЕВДОКИМОВЪ. Кооперация и религія. Ц. 20 к.
№ 3—6. А. ЕВДОКИМОВЪ и А. ПЕТРОВЪ. На пути къ высшей крестьянской школѣ. Изд. 4-е. Ц. 80 к.
№ 7—8. Л. АРМАНДЪ и А. ЕВДОКИМОВЪ. Народный театръ и кооперация. Изд. 2-е. Ц. 30 к.
№ 9—10. Е. ТОЛЬ и А. ЕВДОКИМОВЪ. Дѣтскіе сады. Ц. 30 к.
№ 11. А. А. ЕВДОКИМОВЪ. Внѣшкольники и народъ. Ц. 20 к.
№ 12. А. А. ЕВДОКИМОВЪ. Крестьянская кооперация въ свободной Россіи. Ц. 15 к.
№ 13—14. Его же. Письма къ великорусской молодежи. Ц. 20 к.

Серія „Крестьянству новой Россіи“.

- А. ЕВДОКИМОВЪ. Возрожденіе села и кооперация. Изданіе 2-е. Ц. 30 к.—Организация крестьянства. Ц. 10 к.
Е. Н. ВАВИЛОВОЙ. Отчего датскіе крестьяне стали хорошо жить. Изд. 2-ое. Ц. 40 к.
А. ЕВДОКИМОВЪ. О крестьянскихъ выборахъ. Изд. 2-е. Ц. 20 к.
Е. Н. ВАВИЛОВА. Крестьянское хозяйство въ Англіи. Изд. 3-е. Ц. 25 к.
А. ЕВДОКИМОВЪ. Совѣты кустарямъ, какъ устраивать хозяйственные дѣла на товарищескихъ началахъ. Изд. 3-е. Ц. 45 к.
А. ЕВДОКИМОВЪ. Значеніе сельскохозяйственныхъ товариществъ для мелкаго земледѣлія. Изд. 2-е. Ц. 35 к.

Книжеч по экономикѣ и кооперации.

О БУДУЩЕМЪ ЕВРОПЫ. Докладъ и постановленіе Фабианскаго Общества Соціалистовъ о Международной Организации. Изд. 2-е. Ц. 75 к.

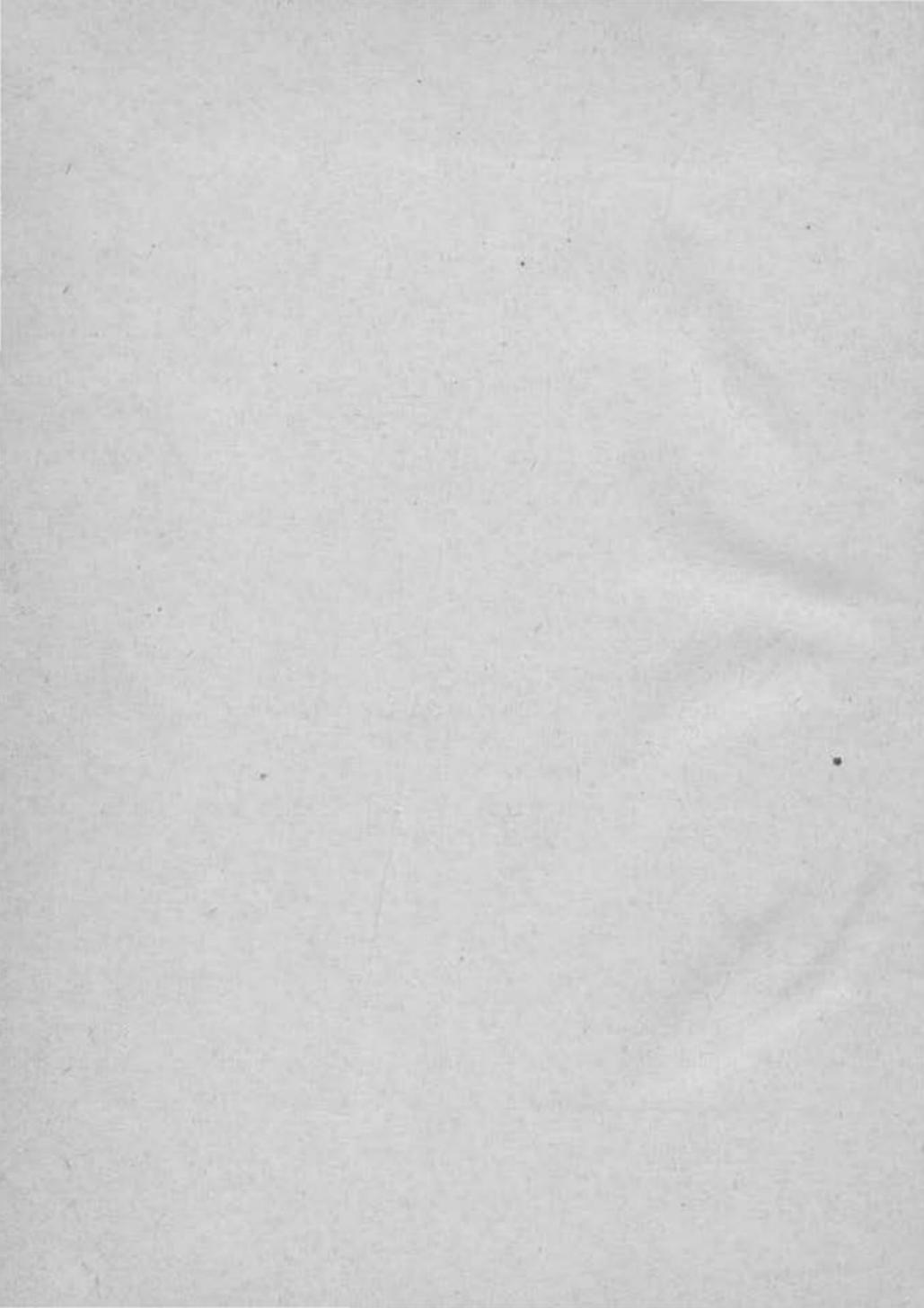
Е. ВЕББЪ. Жизнь великихъ людей. (Герои и друзья кооперации). Перев. съ англійск. М. Розенфельдъ, подъ ред. пр. доц. В. Тотоміанца. Съ порт. и рис. въ текстѣ. Ц. 75 к.

АЛИСА ЖУЭНЪ. Женщина и кооперация. Ц. 35 к.

Проф. Э. МИЛЬО. Общественная экономія. (Наука о публичномъ хозяйствѣ). Переводъ съ франц. съ пред. М. Д. Загряцкова. Изд. 2-е. Ц. 40 к.

ЗАКАЗЫ ИСПОЛНЯЮТСЯ ПО ПОЛУЧЕНІИ СУММЫ СТОИМОСТИ ЗАКАЗА. ПЕРЕСЫЛКА ЗА СЧЕТЪ ЗАКАЗЧИКА. КН. СКЛАДАМЪ И КООПЕРАТИВАМЪ ОБЫЧНАЯ СКИДКА.

Цѣна 80 коп.

and
the

2010513966